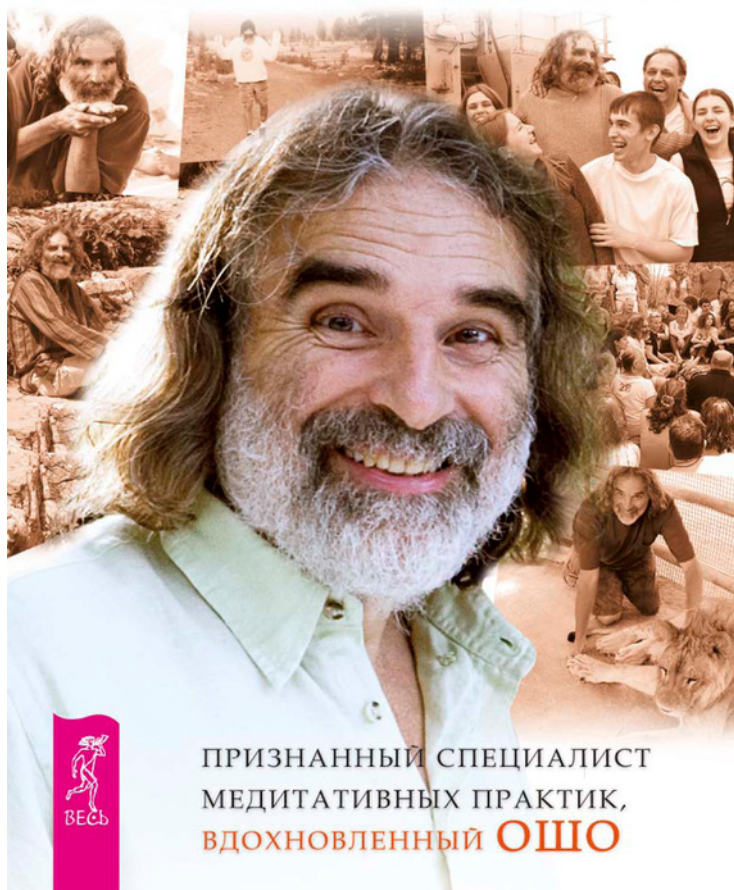

МЕНЯ ЗОВУТ ВИТ МАНО...

ПРИЗНАННЫЙ СПЕЦИАЛИСТ
МЕДИТАТИВНЫХ ПРАКТИК,
ВДОХНОВЛЕННЫЙ **ОШО**

Вит Мано
Меня зовут Вит Мано...
Серия «Битва экстрасенсов»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8636810
Меня зовут Вит Мано: ИГ «Весь»; Санкт-Петербург; 2014
ISBN 978-5-9573-2632-8

Аннотация

Вит Мано напоминает Деда Мороза – не только из-за его бороды и доброты. Везде, где он появляется, случаются чудеса: неизлечимые болезни вдруг излечиваются, депрессия уходит безвозвратно, жизнь, которая, казалось, идет под откос, вновь обретает смысл, а неудачи оборачиваются успехом. В этой книге Вит Мано делится секретом своих волшебных результатов.

Первая ее часть – это автобиография. Мано без утайки говорит о тяжелых детских годах, о свободной поре юности, о духовной жизни в Индии, о трагедиях в семье, ставших для него переломным моментом в жизни. Он объясняет, как все эти события повлияли на его экстрасенсорный дар и способности к целительству.

Во второй части книги вы найдете методы, разработанные Вит Мано, которые помогают ему в излечении практически любой болезни – будь то рак, анорексия, депрессия или какая-либо другая проблема. Универсальным средством для достижения эмоционального баланса Мано считает медитации, и в своей книге он дает специальные техники по расслаблению ума и высвобождению эмоций.

Содержание

Часть I	5
	7
Семья	7
Школа	10
Первая работа и первые друзья	12
	19
Свобода	19
Атмосфера в семье	21
Первые путешествия	23
Университетские годы	25
	30
Первые медитации	30
Раскрытие способностей	32
Пребывание в Мексике	36
Жизнь на Аляске	38
	43
Первая трагедия в семье	43
Смерть сестры	45
Отношения с братьями	46
	49
Знакомство с Ошо	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Вит Мано

Меня зовут Вит Мано

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Часть I

Моя история

*Привет. Меня зовут Мано.
И теперь настало время рассказать мою историю.
Итак, она... так похожа на историю каждого человека. В ней есть моменты,
о которых невозможно рассказать,
ведь жизнь так велика, – поэтому я рассказываю столько, сколько могу, а позже вспо-
минаю что-то еще...*

Глава 1 Детство

Семья

Я родился в месте под названием Мичиган, в Соединенных Штатах, в городе Ферн-дэйл. Так случилось, что там был роддом. Я не помню роддом, и я даже не могу в точности вспомнить, где находится этот город. Вырос я в городе Ливония. В то время Ливония была маленьким городком, окраиной большого города Детройта в штате Мичиган. И я был четвертым ребенком из четырех. Я отличался от своих братьев и сестры тем, что они все родились в другом штате, Иллинойсе. Это тот штат, в котором находится Чикаго, где жил Барак Обама.

Незадолго до моего рождения родители переехали в Мичиган. У нас была большая разница в возрасте между мной и братьями. Сначала родился один брат, Брюс, в следующем году – второй, Аллен, еще через год – сестра Энн, а затем, перед тем, как родился я, был перерыв примерно в полтора года или чуть больше. И, возможно, я был для родителей неожиданностью. Возможно, они не планировали еще одного ребенка. Поэтому между отцом и матерью было напряжение по поводу того, как поступить в сложившейся ситуации. И сразу после моего рождения матери сделали операцию, чтобы она больше не имела детей. Она была этому не рада – ее вынудили пойти на такой шаг. Это имело определенное отношение к началу моей жизни, ведь она находилась в обстоятельствах, которые отличали ее от других матерей. Большинство матерей были бы просто счастливы, что у них будет ребенок, а моя мама была *вынуждена* думать о том, что у нее будет ребенок, и о том, что ей предстоит операция, которую она не хочет делать.

Никто не говорил мне об этом, но я полагаю, что после моего рождения мама проводила рядом со мной меньше времени, чем это делала бы нормальная мать. И все из-за этой операции. Также операция привела к некоторым осложнениям в ее жизни, потому что до этого она была стройной и красивой. Очень привлекательной... выглядела как фотомодел, просто очень красивой. А после моего рождения она быстро набрала много лишнего веса. В общем, было ли это из-за ее злости, или за этим стояло что-то, связанное с физиологией, – не знаю... Во всяком случае, после моего рождения ее здоровье начало ухудшаться быстрее, чем следовало бы.

Когда я был ребенком, было много вещей, которые я видел и чувствовал, но не очень понимал. Я не понимал, что действительно хорошо, а что нет. Однажды в школе (мне тогда было лет шесть), нам показали много разных видеофильмов о вреде курения. Я был очень напуган, потому что мои мама и папа курили. А на видео показывали, как люди могут заболеть и даже умереть от сигарет. Я был действительно очень взволнован и даже пытался объ-

яснить своим родителям, насколько ужасны могут быть последствия. К сожалению, они, как и большинство родителей, не слушали маленького ребенка в таких вопросах, как этот. В итоге курение стало причиной смерти их обоих – они умерли гораздо раньше, чем это было нужно. Они курили в машине, с закрытыми окнами и включенным кондиционером, так что... Они были не плохими людьми. Просто такова жизнь. И тогда мир только учился заботиться о своем здоровье. В то время никто не знал, что делать со стрессом и эмоциональным напряжением. Мои братья, сестра и я – мы тоже могли курить, но, к счастью, выбрали другой путь, нежели наши родители.

Мои родители были совсем разными. Мой отец был старшим ребенком в семье, и у него было больше возможностей выразить себя – как в положительных, так и отрицательных поступках. Мама же была младшим ребенком в семье и всегда держала свои эмоции внутри, как в бутылке. Они встретились, влюбились друг в друга и быстро поженились. Вскоре забота о детях, ответственность, ежедневные стрессы и рутина поглотили их. В общем, как бы это объяснить? Мне казалось, когда я рос, что в нашей семье нет гармонии. Я помню, как однажды прогуливался по улице и думал: «Почему я родился в этой семье? Почему мне не досталась какая-нибудь другая семья, как у некоторых моих друзей или знакомых?» Мама и папа не были близки... Были постоянные ссоры и разочарования друг в друге. И у меня не было ощущения безопасности. Семья не казалась мне безопасным местом. Я чувствовал себя в безопасности только с бабушкой и дедушкой.

И представьте всю ситуацию. Я был самым младшим, и поэтому в раннем возрасте получал огромное количество агрессии со стороны братьев и сестры. Я помню, что никогда не чувствовал себя защищенным от них. Они завидовали мне, так как мой день рождения был весной, двадцать четвертого марта. Их же дни рождения были в сентябре, октябре и ноябре – сразу три дня рождения в одно время года. Им всегда казалось, что их подарки были намного меньше моих. Когда день рождения был у меня одного, они становились завистливыми и злыми из-за внушительного размера моего подарка. Так что мне было сложно расти в подобной обстановке.

Ощущение безопасности было только с бабушкой и дедушкой. У них был дом в городе Джексон (это в Мичигане), до которого можно было за час или полтора доехать на машине. Так что часто, где-то раз или два в месяц, в воскресенье, мы все собирались у них на обед. Бабушка и дедушка были консервативными, так что все было мило, но несколько строго... Я должен был сидеть за столом прямо и соблюдать те правила, эти правила. Например, нам не разрешали тянуться к другому краю стола. И было душновато. Настолько, что такой маленький ребенок, как я, не мог радоваться этому обеду. Кроме того, я был левша. Быть левшой и так-то непросто, а тем более соблюдать правила за столом. Бабушка вдохновляла меня на то, чтобы я стал правой – и мне даже предлагали деньги за это. К счастью, меня не сильно принуждали, поэтому я решил остаться левшой, каким сделала меня Природа.

У бабушки и дедушки были разные взгляды на религию. Бабушка была очень набожна. Не то чтобы она на всех давила, но ее религиозность была во всем, особенно христианство – это была наиважнейшая часть ее жизни. Дедушка же не был так погружен в религию. Он, бывало, даже ездил на мотоцикле. Его отношение к религии было, скорее, из разряда «стоит ли из-за всего этого беспокоиться».

И вся эта набожность часто становилась источником конфликта между бабушкой и моей матерью, потому что маме была не нужна вся эта религия. И папу это, на самом деле, тоже не особо заботило. Но, всякий раз, когда мы ехали к бабушке, маме не хотелось там находиться. Ей не нравилась эта душная формальная атмосфера. Ей не хотелось быть слишком правильной, понимаете? Все было слишком формальным. Ей это совсем не нравилось. На самом деле ей не хотелось жить в Мичигане. Ей больше хотелось жить в таком месте как Флорида – там, где теплее, – потому что мама родилась и выросла в Калифорнии. А Кали-

форния не похожа на Россию, или на большую часть России. Во Флориде же теплее и есть море. Больше похоже на Сочи, где будут проходить следующие Олимпийские Игры.

Мама была несчастлива в Мичигане. Она немного сердилась. Отец хотел жить в Мичигане, чтобы быть ближе к родителям, так что мама была совсем не в восторге от такого положения вещей. У моих бабушки и дедушки было что-то вроде того, что в России называют дачей – коттедж. Это был милый домик на озере Бёрт. Там не было огорода с овощами, но зато было много деревьев – в том числе и растение под названием «ядовитый плющ». Оно было очень опасно для таких детей, как я, так как вызывало сыпь и зуд, если только прикоснуться к нему. Мы проводили там лето. Там было хорошо – мы плавали, ходили в походы, и отец, возможно, в чем-то походил на обычного русского мужчину: он любил рыбалку и охоту. Ему нравилось заниматься подобными вещами. В ранние годы я и мои братья тоже в какой-то степени этим интересовались. И это шло от отца.

Я помню, что первые друзья у меня стали появляться в школе, в возрасте шести-семи лет. Мы играли вместе, вместе что-то делали. Потом, когда мне было восемь лет, мои родители развелись. Примерно в то же время умер дедушка, и для бабушки это было большим ударом, ее мир был разрушен. Почему мои родители разошлись? Просто они продолжали жить в негативных эмоциях... Этих эмоций становилось все больше, они нарастали, как снежный ком, а родители не знали, что делать с этим. Они не были счастливы.

Моя мать уехала во Флориду, и получилась странная ситуация, потому что обычно о детях заботится мать, но нас оставили на попечении отца. Суд принял решение, что с детьми должна жить женщина – няня или кто-то, кто сможет заботиться о нас. И так было где-то в течение первого года. Но наша няня была немного фанатичной в плане религии, и моему отцу это не нравилось. Он как-то раз сходил в ее церковь – они там все что-то говорили на неведомом ему языке, в состоянии религиозного экстаза делали странные вещи. Отец был шокирован. И вскоре уволил ее. В итоге у нас не стало никого, кто мог бы заменить мать... Это было особенно сложно для меня как для самого младшего ребенка в семье.

После этого, по сути, некому было присматривать за тем, как мы росли. И это было трудное время, потому что у меня не было никакой защиты. Понимаете, если кто-то хотел ударить меня, или толкнуть, или еще что-то – я не мог защититься. И дома было то же самое. Это было дикое время в Америке, время появления хиппи... Происходили большие изменения в культуре. От предыдущего поколения, когда мужчины носили короткие стрижки, ничего не осталось. Прически, напоминавшие военную стрижку, сменились на длинные волосы... Это было началом эры хиппи, секса, наркотиков и новой волны в музыке. Молодежь слушала рок-н-ролл, а классическая музыка уже не котировалась. Это было время всеобщей революции.

Молодые люди хотели больших перемен. Они желали все и сразу. Они были сыты по горло прежними традициями. Я был слишком молод, чтобы понять, что происходит, или чтобы быть вовлеченным в это. Единственное, что я вынес из того времени, – это любовь к хорошей, живой музыке.

Я всегда очень любил природу. Возможно, это из-за того времени в летнем домике. Домик находился на озере Бёрт, и вокруг него был лес – везде, куда ни посмотри! По ночам мы садились в машину и ехали по дороге в поисках оленей. Там в округе было много диких оленей, и каждую ночь мы старались сосчитать, сколько же мы видели сегодня. Иногда мы встречали лисицу, дикобраза или стадо лосей – тогда мы думали, что нам круто повезло. Медведи были вокруг, и мы тоже иногда видели их следы.

Так я рос, постоянно испытывая чувство глубокой любви к природе, с самых ранних лет. А рядом с нашим домом было поле, где мы гуляли, бегали, играли, пытались ловить диких кроликов. Мы могли делать все, что угодно. Это была свобода.

Также это было время больших изменений. Города стремительно росли. Свободную землю быстро прибирали к рукам, и это сильно меня беспокоило. Именно поэтому в детстве меня, как и многих людей в Америке, интересовали вопросы экологии. Американцы очень интересуются экологией. Например, каждый раз, когда ты в поезде едешь из московского аэропорта, люди обычно рассказывают о каком-нибудь фонде, защищающем дикую природу, или что-то подобное. В Америке для многих экология была больше, чем увлечением. Некоторые люди даже приковывали себя цепями к деревьям, чтобы предотвратить вырубку леса. Я не был исключением: меня страстно волновал свежий воздух и чистая вода – все это очень трогало меня. Я и сейчас очень люблю природу, новые места, знакомиться с новыми людьми. Детскую любовь ко всему этому углубил Ошо – он показал настоящую любовь к жизни! Наша прекрасная планета с красивыми и загадочными местами трогала мое сердце.

Я был довольно одинок в первые годы жизни. Так продолжалось до тех пор, пока у меня не появились друзья – то есть лет до шести-семи-восьми. А уже потом жизнь стала намного интереснее. Когда я был маленький, атмосфера вокруг часто была агрессивной и жестокой, поэтому я рос робким и застенчивым.

Сестра же была милой и доброй ко мне – но только в детстве. В подростковом возрасте она стала агрессивной. Поэтому я редко приводил к нам друзей. Я ходил играть к ним домой, так как у нас дома, со всеми моими братьями и сестрой, это было не очень здорово. Старший брат увлекался мотоциклами, он делал свой собственный маленький мотоцикл. И когда брат учился на нем ездить – это был сумасшедший период в его жизни!

Дома была тяжелая атмосфера. Я помню, летом, на протяжении двух или трех месяцев, я очень редко бывал дома, потому что мы с друзьями жили в палатках, что-то делали вместе, оставались у кого-то из них, спали на улице и смотрели на звезды. В общем, в юности была вот такая связь с природой. Примерно на два или три километра по всем направлениям мне было знакомо каждое фруктовое дерево, все яблони, вишневые деревья, груши. Я знал, на какие из них можно залезть, а на какие нет, потому что они являлись чьей-то собственностью. В этом был элемент исследования. Я получал много радости от дружбы. С друзьями – мы дружили и играли, как обычные дети, – у нас были игрушки, мы строили песочные замки, играли в баскетбол и в футбол. В плане дружбы все было хорошо. Я был немного застенчив – думаю, из-за агрессии со стороны других. Но у меня были друзья. Было пять-шесть друзей – и этого было достаточно.

Было как-то так.

Школа

Моей школой стала начальная школа им. Рузвельта. Сначала было что-то вроде дошкольного учебного заведения – его называли детским садом. А потом я шесть лет провел в начальной школе. Детский сад и начальная школа находились в одном здании – это было что-то типа «безопасной школы». Она более спокойная, с большим контролем. Прямо рядом с ней было место для игр. Рядом находилась средняя школа им. Уолта Уитмена (куда я пошел после окончания шестого класса) – это была уже более «опасная школа», где учатся седьмые, восьмые и девятые классы. Рядом располагался парк с большими старыми деревьями, и в этом парке постоянно случались драки. Люди часто получали травмы и были избиты, а приезжие из других городов брали с собой в парк ножи и ружья, – для безопасности. Ребята там начинали много пить и принимать наркотики. Так что я знал, слышал об этом, потому что, когда ты в «безопасной школе», ты в курсе того, что происходит. Я был готов к средней школе и неприятностям в парке. Да, так и было...

Когда я ходил в «безопасную школу» (с первого по шестой класс), я наслаждался жизнью! Последние два года я выполнял роль дорожного патруля. Каждое утро нужно было

приходить пораньше и помогать остальным переходить через дорогу, чтобы их не сбила машина. Это было довольно интересно: что-то делать, наблюдать за людьми. Каждое утро я встречал людей и здоровался с ними. Еще мне нравилось играть. И бегать. Мне нравилось делать разные вещи. Это первое время – свободное время, – оно всегда было для меня моей счастливой порой. Никто не беспокоил меня, и я ощущал полную свободу.

Я помню, что, когда я рос, школа находилась за полмили, или три четверти километра от дома. И когда я стал старше, то ходил в школу пешком... Школа, по большому счету, была неплохая. В том смысле, что мы играли там и все такое. Знаете, когда днем играешь друг с другом в бейсбол, что-то делаешь вместе... Иногда я даже, можно сказать, был счастлив в школе, в окружении людей. На меня не особо давили по поводу учебы, как некоторые родители наседали на своих детей: «Ты должен делать это... Мы хотим, чтобы ты стал президентом, поэтому ты должен делать то и это...» В школе не было особого давления.

Когда я перешел в среднюю школу (с седьмого по девятый класс), это было более спокойное время, более мрачное, потому что в парке регулярно случались драки. Люди всегда были готовы спровоцировать тебя и старались, чтобы ты попал в парк. Они хотели подраться один на один или даже втянуть тебя в драку с кем-то еще. На самом деле, я никогда особо в это не вовлекался – это не мое. Меня больше интересовали спортивные игры. Мне нравился бейсбол. И когда у меня было свободное время, мы играли в бейсбол, баскетбол или футбол. Зимой мы играли в снежки и тому подобное.

Когда я учился в седьмом классе, произошел один интересный случай. Нам дали задание создать лабиринт. Это нужно было сделать на бумаге: нарисовать что-то этакое, куда тыходишь с одной стороны, попадая в какое-то другое место, и затем выходишь через другой вход. Это как головоломка. Ты заходишь в одну дверь и должен выйти в другую, но тебе еще нужно понять, как это сделать. Мы пытались разгадать чужие лабиринты и пытались создать свои – такие, чтобы никто не смог понять, как он устроен. Тогда все были так удивлены и шокированы – они не ожидали, что я, такой застенчивый, стану единственным, кто придумает лабиринт, с которым никто не сможет разобраться. В итоге я победил и получил за это приз. Можно сказать, что это был первый сюрприз, который я преподнес людям.

Меня никогда не волновала школа, я не пытался быть лучшим в учебе. Мне это было неинтересно. Я выполнял тот минимум домашнего задания, чтобы не было неприятностей, и забывал о школе до следующего дня. На меня особо не давили в выборе колледжа. Это было для меня свободой.

Так что для меня школа была неким минимумом. Мне не нравилось делать уроки. Мне это было совсем неинтересно. Когда заканчивались уроки, мне хотелось играть, мне хотелось бегать, и я не желал думать о школе. И я вообще не думал о школе вплоть до следующего дня. А потом, в школе, я занимался учебой, делал то, что требовалось в школе. И, в действительности, мне кажется, что это здоровая ситуация. Когда я проходил обучение в Китае, то встречал много молодых людей, которых заставляют заниматься учебой, что в итоге они полностью теряют равновесие в жизни. Более того – некоторые из них даже потеряли желание жить. Это произошло потому, что учителя работали только с их умами и упустили важную связь между телом, эмоциями и любовью.

Энергетически это довольно тупые люди, потому что они работают только головой. Они не являются цельными людьми, они не здоровы. Вот мне пятьдесят семь лет, и я по-прежнему молод. Дайте мне обычного тридцатилетнего парня – мы будем соревноваться в беге на десять километров, и я одержу победу. Хотя в последнюю пару лет у меня было не особо много времени, чтобы бегать, но просто мое тело помнит, как быть здоровым и делать разные вещи. И я в хорошей форме благодаря активному образу жизни.

В старших классах я тоже использовал свой обычный подход: как можно меньше заниматься учебой дома. Такой была моя религия: заниматься учебой дома как можно меньше,

потому что мне это было скучно. Делать достаточно лишь для того, чтобы избежать неприятностей. Зачем вся эта ерунда и почему многие предметы такие нудные?.. Если было что-то интересное, я, конечно, это делал. Но, вы знаете, телевизор и фильмы были куда интереснее учебников. И повседневная жизнь, и друзья... И все эти домашние задания были для меня чем-то вроде болезни.

Это правда, так и было: мне нравилась школа, нравились учителя, наши классные комнаты. Поэтому я делал в школе все домашние задания, какие только мог. Я усердно трудился, чтобы выполнить все. Но идти домой и брать с собой все эти уроки и делать их? Зачем? Я действительно считаю, что я прав, потому что теперь детей разрушают. Их жизни спланированы – у ребенка нет времени, чтобы дышать, нет времени, чтобы двигаться, нет времени, чтобы развиваться в дружбе, развивать социальные навыки. Учеба с восьми утра до восьми вечера приводит к тому, что они становятся толстыми, тучными либо чрезмерно интеллектуальными, что тоже идет во вред мозгу. Они превращаются в некое подобие тыквы или жирной мыши. Потому что нет драйва, нет искры, нет удовольствия – я счастлив, что сегодня я могу делать это, это, это – те вещи, которые мне нравится делать. А потом я должен немного поработать – для баланса.

Поэтому мне кажется, что в каком-то смысле у меня был баланс, которого не было у других людей. У меня был этот баланс, баланс тела и ума (знание о балансе тела, ума и эмоций пришло ко мне потом от Ошо). И я не был глуп. Я справлялся с заданиями. И особенно проницателен я был в математике, потому что... я почти не делал домашние задания после школы – я все решал сразу в школе. Я видел в математике головоломку. Если это головоломка, почему бы не решить ее? Мне это действительно хорошо удавалось. И когда пришло время сдавать экзамен по математике для поступления в университет, все в школе были в шоке. Я сдал экзамен и получил настолько высокий балл, что мне надо было посещать не полный курс по математике, а только два семестра.

Первая работа и первые друзья

Родители меня особо не контролировали – к тому же, когда мне исполнилось восемь, у меня остался только один из родителей. Контроля не было вообще. Мои родители относились, скорее, к доверяющему типу родителей, нежели к контролирующему. Полное отсутствие контроля. Мне доверяли. Отец был немного одинок, он пытался найти себе новую любовь после развода с мамой. Не раз он приходил домой поздно ночью: с утра отправлялся на работу, а вечером иногда шел на специальные встречи. Это были встречи, на которых члены клуба смотрели фотографии больших кораблей. Мой отец любил корабли. Раньше он служил во флоте, и я думаю, что любовь к кораблям возникла именно там.

Иногда по вечерам отец посещал с друзьями паб. К сожалению, его работа находилась в другом городе. Дороги часто были перегружены, и добираться до работы приходилось иногда больше часа. Поэтому паб – это было действительно единственное место, где он мог сидеть, размышлять, искать новую женщину. Естественно, нельзя было ожидать наилучших результатов от поиска в таком заведении. Он не приходил домой рано. Я знаю, каково это – расти с отцом, который заботится лишь о материальной стороне вещей. У нас была еда, одежда и даже немного на карманные расходы. Он не любил тратить деньги. Он всегда нервничал, даже когда речь шла о самом необходимом. Он старался покупать всего по минимуму или ждал распродаж, прежде чем купить какую-то вещь. А я был его противоположностью.

Я начал работать в раннем возрасте и придерживался такого принципа: ешь лучшую еду, будь щедр и великодушен, работай дополнительно, чтобы получить то, что хочешь. Отец был очень прижимистым, он даже кричал: «Не покупай так много хлеба! Покупай булку поменьше или найди что-то другое, со скидкой!» Он нервничал из-за подобных вещей. Но

он был с нами, и он был хорошим человеком. Но работа отнимала у него много времени и сил. Да еще четверо детей – какая женщина захочет поддерживать его семью? Отец совершенно не понимал, что обрушилось на него в браке. Никто не подготовил его к тому, что что-то может пойти не так в семейной жизни, потому что его родители были счастливы вместе, в их отношениях была гармония, и он ожидал, что в его жизни все будет так же. Поэтому неудачный брак и развод стали для него шоком. Он действительно не знал, что делать. Он был занят на работе, ведь надо кормить четырех детей. К тому же он хотел накопить достаточно средств, чтобы потом отправить нас в университеты (а учеба в престижных университетах стоила немало). Он был занят своей жизнью и тем, что казалось ему важным.

По большей части, мы, дети, росли сами по себе – что, с одной стороны, очень плохо. Но, с другой стороны, нужно поскорее начинать заботиться о своей жизни – это делает тебя умнее. Знаете, я иногда пытаюсь понять, почему в некоторых вещах я стал сильнее, чем мои друзья, – ведь поначалу я был застенчив, хотя сейчас это может показаться забавным. Но сейчас я понимаю, что мне помогло как раз отсутствие контроля со стороны родителей! Я начал понимать, что делать со своей жизнью. Ответственность была на мне самом.

В летнее время я занимался садоводством. Зимой я ходил от двери к двери, как и многие другие дети, чтобы наняться на работу по очистке лестниц, подъездов, тротуаров от снега. Я ходил по домам, звонил в двери, пока не находил работу. Мы занимались очисткой снега, потому что эти небольшие дополнительные деньги мы могли потратить на то, что хотели. А тогда мне нравилось покупать мороженое, пироги, вещи для занятий спортом, игр и подобных интересных занятий, поэтому всегда было здорово что-нибудь делать. Можно было заработать, сгребая листья в саду. В общем, получилось так, что я рано начал работать и получать удовлетворение от этого. Я всегда понимал, что если ты хочешь чего-то для себя, тебе нужно что-то для этого сделать.

В каком-то смысле, мне повезло: другим людям родители дают все, им ничего не приходится делать. И им даже не нужно бороться, что-то предпринимать, чтобы разбудить свою энергию. Им не приходит в голову, что нужно что-то делать для того, чтобы расти и становиться все более наполненным. В какой-то мере это лишает их силы, не дает им никакой силы в жизни. А я всегда понимал, что, если я должен что-то сделать, нужно для этого работать.

Мне нравились спортивные игры, мне нравилось бегать. Я был счастлив с теми друзьями, которые у меня были. И я, и братья никогда не скучали. И у нас была огромная свобода, так что я мог иногда не спать до шести утра, смотреть с Алленом телевизор. Мы делали друг другу тосты с сахаром и корицей, смотрели один фильм, потом другой... у нас была свобода. По сути, мы могли делать все, что хотели. И я думаю, что это было здорово. Мне повезло иметь столько свободы.

Когда я оглядываюсь назад, то вижу, что это было действительно прекрасно: ты можешь делать все, что вздумается, и никто на тебя не насаждает. Это абсолютно чудесно, потому что хоть ты и совершаешь ошибки, но, на самом деле, ты каждый день просыпаешься с уверенностью, что будешь делать то, что захочешь.

Таким образом, детство было прекрасным приключением. И наш дом в Америке в то время был похож на летние домики в России. У каждой семьи был один дом, а также ей принадлежали земли вокруг дома. Обычно дома были большие, а прилегающая земля – не очень. Нам повезло, потому что рядом с нашим домом росли большие деревья. У нас был большой вяз и очень большой клен. А еще одна яблоня, два кедра, одно маленькое кленовое дерево и два небольших вяза.

На нашей улице дома стояли почти вплотную друг к другу – и так по обе стороны. Я помню, что обычно бегал по газонам всех соседей вверх и вниз по улице. Мне хотелось

перепрыгнуть через каждую дорожку, не касаясь асфальта. На нашей улице не было квартир. В то время квартиры были редкостью. Тогда больших зданий с множеством квартир еще не существовало, только если в Мичигане... Поэтому каждая семья жила в отдельном доме. У нас был свой дом, свой двор, своя изгородь. Я любил наши деревья и лазил по ним так часто, как только мог. Клен был просто огромным – полтора метра в ширину. Яблоки на яблоне были не очень вкусными – они были маленькие и кислые, – но мы все равно ели их. На заднем дворе у нас иногда жили кролики. И периодически мы даже выращивали немного овощей.

Я много бегал и играл в саду. Со своими друзьями и братьями я привык играть на улице, потому что автомобили не часто ездили по проезжей части. Некоторые подъездные пути к домам были целиком заасфальтированы. Некоторые представляли собой лишь две узкие полоски асфальта с большим пучком травы посередине – чтобы удобно было проезжать легковым автомобилям. Мне нравилось бегать и прыгать по дороге. Там были участки из асфальта, через которые должны были проезжать машины. Помню... я пытался перепрыгнуть их все. Некоторые были слишком широкими, и мне было сложно, но я просто бегал и прыгал. Энергия словно лилась через край. Счастье, понимаете? Счастье, движение... Жизнь была... в этом смысле она была светлой.

В общем, была какая-то чувствительность вокруг меня. Я рос в окружении природы, и у меня постоянно возникало такое чувство, как будто я – ее неотъемлемая часть... Мне нравилось помогать поддерживать жизнь, мне нравилось защищать жизнь. Когда я был моложе, я иногда работал в саду: подстригал траву. Нужно было подстричь траву возле дома, но в какой-то момент я больше не мог продолжать выполнять эту работу. Я понял, что это не мое. Выдергивать сорняки – нет, ни за что! Этот сорняк тоже хочет жить, и он тоже мой друг – как часть природы, – и я не хочу принести вред ему. В общем, тогда со мной происходили такие интересные вещи.

Помню, когда мне было совсем мало лет, я читал такие маленькие духовные книги. Они назывались «*Семена мудрости*». «*Семена греческой мудрости*», «*Семена китайской мудрости*», «*Семена мудрости*» многих разных народов... И это было чем-то очень медитативным для меня. Мне было, возможно, лет семь-восемь. Потому что, помните, как я рос? Атмосфера в доме была очень жестокой. И я как будто искал что-то внутри, а эти книги вдохновляли меня и помогали мне заглянуть глубоко внутрь себя. И когда я смотрю на всех своих друзей, на то, что делали люди, мне кажется, что никто не двигался в жизни так, как я. Я был как ракета. А книги помогали мне вырваться из рутины, мысленно оказаться далеко от дома.

Я был счастлив; я творил, я делал разные вещи. Помню, как однажды друг пригласил меня к себе домой на ужин. Это было в пятнадцати минутах ходьбы, но я так засмотрелся на цветы, что мне потребовалось два часа, чтобы дойти. Его родители были очень рассержены: «Почему ты так опоздал?» Но все было просто... Жизнь была интересной. Знаете, всегда было что-то, на что можно было посмотреть; всегда было, чем заняться. Я имею в виду, что это было здорово, понимаете, – иметь возможность гулять и делать разные вещи. Поэтому я играл в спортивные игры, играл в баскетбол – мне нравилось это делать, я отдавался этому полностью. Мне нравилось играть в баскетбол с друзьями, мне нравилось играть в футбол; я немного занимался борьбой и даже демонстрировал в этом виде спорта какие-то успехи – может быть, потому что с друзьями мы часто все вместе боролись в шутку. Я получил множество наград, когда играл в спортивной команде, я много раз выигрывал, и получал от этого большое удовольствие...

В Америке мы могли свободно выражать свои чувства в школе. Например, когда я был в седьмом классе, мне на протяжении пары лет нравилась одна девочка. Мы все время гуляли за ручку возле школы. Была вот такая свобода, можно было делать такие вещи. Это было

здорово. Знаете, жизнь была открытой, и никто не вмешивался и не наседал на тебя в плане того, что тебе можно делать и чего нельзя. Это было просто здорово.

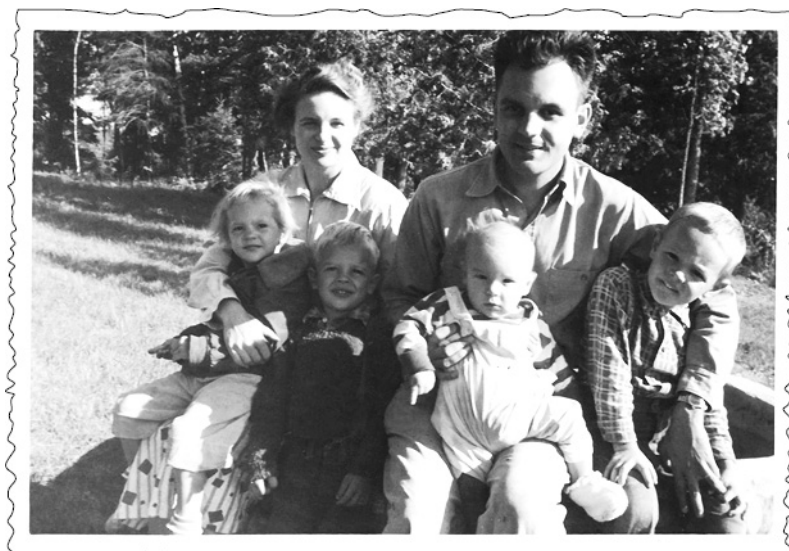
Рассел и Дебби (отец и мать Мано)

Мано 3,5 месяца (2 фото слева), Сентябрь 1956 года

Сентябрь 1956 год

Мано и Энн

На рыбалке с отцом (слева – направо: Мано, Брюс, отец, Аллен, Энн)

Август 1960 года (слева – направо: Мано, Аллен, отец, Энн, Брюс)

Май 1961 год (Мано справа)

На рыбалке

Глава 2

Юность

Свобода

Когда я перешел в старшие классы, мои друзья все время ходили куда-нибудь выпивать или на вечеринки. А я спрашивал: «Зачем?» Я говорил: «Если я хочу с кем-то пообщаться, зачем мне для этого выпивать? Просто позвольте мне пообщаться с человеком. Если мне нравится с кем-то общаться, почему я обязательно должен выпивать, чтобы с ним общаться? Если этот человек симпатичный, тогда, если я буду пить, я не смогу увидеть его лица». Зачем? Я совершенно не понимал, почему люди вели себя так. Я не одобрял этого.

На самом деле у нас была свобода от родителей, позволявшая нам выпивать, когда хотелось. Все, что угодно. Но я никогда не пил. И братья с сестрой почти никогда не пили. У нас была свобода, но нам не хотелось выпивать. Да, это интересно. И в каком-то смысле, определенное давление может заставить людей делать плохие вещи. Но поскольку у нас и так была свобода, мы в этом не нуждались. Для чего это? Почему я должен пить? Чтобы делать глупые вещи и чувствовать себя крутым? Или я должен пить просто потому, что люди хотят от меня этого? Но почему я должен подчиняться этому давлению? Я всегда боролся за свою свободу. И не давал людям пускать дым мне в лицо. Конечно, вы можете совершать разные пагубные действия, если хотите. Я же не собирался втягиваться в это. Это было бы глупо. А жизнь слишком хрупка.

В общем, я рос в атмосфере свободы. Я до сих пор помню большие возвышающиеся надо мной деревья. Когда у меня было время, чтобы совершать пробежки, я всегда выбирал лес или место с большими деревьями. Там, где я рос, все еще было множество больших деревьев. Теперь в новых районах все большие деревья срубают, заменяя их маленькими деревцами и кустами, но, конечно, они уже не дают такого ощущения. К счастью, там, где я жил, у нас росли большие деревья. Наш район был единственным жилым кварталом, который сохранил эти большие деревья.

По иронии судьбы и к счастью для меня, то же самое было в Международном медитационном курорте Ошо в Индии. Курорт Ошо расположен в квартале Корегаон парк – единственном районе в городе, где растут большие деревья. В Международном медитационном курорте Ошо деревья совершенно потрясающие. Они всегда зеленые, а иногда туда прилетают попугаи. Этот район занимает большую площадь, примерно километр на километр. Я очень ценю деревья: они дают нам энергию. Я был счастлив жить среди зелени. Я любил природу; мне нравилось спать на свежем воздухе.

Когда я достаточно подрос, чтобы действительно хорошо кататься на велосипеде на далекие расстояния – примерно в тринадцать лет, – я начал свои первые путешествия. С дру-

зьями мы просто уезжали: брали велосипеды, немного денег и отправлялись на природу, взяв одеяло, за тридцать-сорок километров. Ехали в какой-нибудь парк или на озеро и делали, что хотели. Не было ничего и никого, кто бы переживал по поводу того, что ты не ночуешь дома. Мы делали все, что душе угодно. Мы были свободны и могли сами выбирать, в какое путешествие отправиться. Это довольно здорово – иметь такую возможность: «О, я хочу поехать сюда», «Я хочу поехать туда»... Это было очень хорошо.

То время было для меня как прекрасный сон. У меня была свобода, у меня были друзья. Я вступил в спортивную команду, участвовал в командных забегах среди старших классов. Один друг сказал мне: «Почему бы тебе не заняться бегом? Бегай на длинные дистанции». И я сразу ответил: «Хорошо». И начал учиться бегать. Я был членом спортивной команды, где нужно было бегать где-то пятнадцать-тридцать километров ежедневно. Дистанции были около четырех с половиной-пяти километров, но на тренировках мы бегали больше. И перед своей первой попыткой бежать я очень сглупил. Я знал, что мне предстоит бежать, и наелся до отвала – полагая, что это придаст мне сил. Где-то четыре банки консервированных слив вместе с сиропом. Я думал – я же волновался! – я думал, что мне предстоит совершить что-то действительно сильное и что мне нужно много энергии, много еды, чтобы я не устал. А это была моя первая дистанция, в двенадцать километров. Я просто объелся, и когда начал бежать, то выглядел, как беременная женщина, а спустя десять минут у меня так сильно заболел живот, просто невообразимо. Как я мог просто побежать, не думая о том, что произойдет со всей той едой в моем желудке? Через десять минут я так устал, мне было так плохо... но я продолжал бежать. После этого я уяснил, что не нужно есть так много слив.

Я помню, что Ошо сказал, что если человек бежит как минимум по двадцать минут в день, в его теле возникает аура радости.

А вообще, бег доставлял мне много радости в жизни. Это было здорово, потому что я бегал каждый день, выходил на улицу, встречался с природой и бежал... Я бегал в самых разных местах и с разной скоростью. Иногда у меня возникало ощущение полета.

Бег – это отличное занятие! Я много бегал, я пробежал километров двенадцать каждый вечер – у меня был специальный шестикилометровый маршрут по городу. Я пробежал его дважды за один вечер или иногда бежал в лес. Я делал то, что хотел делать. Я думал: «Раз мне нужно это сделать, я сделаю». Двенадцать километров – и я шел спать. И был счастлив.

Первый год в команде я был... это было забавно. Один мой друг – он был из тех неприятных парней, заносчивый, с большим эго – он отпускал разные шуточки в мой адрес и насмехался: «Я быстрее тебя», и все такое. Он был очень, скажем, жесток в этом отношении, всегда хотел быть лучшим во всем. И это было не очень здорово. С друзьями мы могли бегать вместе, приятно проводить время, вместе заниматься разными делами, но он был высокомерен и слишком озабочен соперничеством... Но мне нравилось бегать и я благодарен ему, что он показал мне, что такое бег.

Но потом, на следующий год все поменялось. Я был в нашем загородном коттедже на озере Бёрн с моей бабушкой. Я бегал очень далеко. Я наслаждался этим. Я выбирал извилистую дорогу с большим количеством холмов, которые находились за озером. Я дышал таким свежим воздухом и набирался все больших сил, бегая по пятнадцать-двадцать километров почти каждый день. И когда на следующий год я вернулся в школу, я был так силен и так быстр – что побеждал почти во всех соревнованиях, и меня даже выбрали лучшим игроком года. Это было не очень весело, потому что люди завидовали. Для меня истинным источником удовольствия были совместные занятия и чувство чего-то необъятного в своем сердце. Однако в школе это был тот возраст и то время, когда люди были одинокими и враждебными по отношению друг к другу. И все пытались выглядеть лучше, чем кто-то другой. Глупо, конечно. Но я всегда был по-своему счастлив.

В общем, в старших классах мне нравилось бегать; я любил быть активным спортсменом. Мне это нравилось, но я не видел себя спортсменом в будущем. Люди были разные в классе – ты был либо спортсменом, либо интеллектуалом, либо ты был безумным хиппи. И я сказал: «Я ничего не хочу, мне не нужно ничего из этого... Просто оставьте меня вне игры. Я просто хочу быть собой, быть дружелюбным. У меня есть один друг, другой друг, и я не хочу соперничать, доказывать, что наша школа лучше, чем другая. Я просто хочу прожить жизнь». В этом смысле мне очень повезло, потому что я был здоров и имел независимый ум. Я мог бегать, дышать. У меня были собаки – пара собак. Я очень любил собак. Одна была белая с черными пятнами. Ее звали Йолер, и я брал ее с собой на пробежки. Такая средне-большая... И была еще одна, по кличке Немо – черная собака.

За это я всегда благодарен. Я рос вот так, в атмосфере такой большой-большой свободы. Поддержкой для меня был дом, где можно было жить, и отец, который о нас заботился.

Атмосфера в семье

Отец был напряженным. Он был нервным, иногда кричал, если что-то шло вразрез с его идеями или если что-то его расстраивало. Например, если с утра сестра забывала сделать ему сок или еще что-то, перед тем, как он уходил на работу, он орал, чтобы разбудить ее. Он требовал свой сок. На это уходило больше энергии, чем на то, чтобы сделать все самому. Он не делал так намеренно, просто он был очень нервным. Все потому что он много работал, и ему приходилось ездить на машине в Детройт, проводить за рулем по полтора часа. В общем, он был очень напряжен. Но он никогда не говорил ничего вроде: «Вы плохие дети, вы то, вы это...» Ничего подобного. Он любил детей по-своему, и это ему хорошо удавалось.

У меня такое ощущение, что никогда не бывает «хороших» разводов. Либо они случаются, но очень редко.

Особенно трудно, когда есть дети – тогда развод всегда сопровождается либо нарушениями в эмоциональной области либо неверием в любовь. Между моими родителями был серьезный конфликт, почти драка, и они расстались в тот же день. Странное дело: после расставания они никогда по-настоящему не сказали ничего плохого друг про друга перед нами, детьми. Не было ни осуждения, ни обвинений, ни упреков. Они только сказали, что у них ничего не получается. Даже после их развода не было никакого давления – мол, вы должны выбрать одного из родителей. Они отнеслись к этому просто. И это сильно отличается от той ситуации, в которой растут многие люди по всему миру, когда в случае развода возникает злость, тяжесть – особенно, если ты должен выбирать... У нас ничего подобного никогда не было. Мы просто любили обоих родителей, без осуждения. Было так: мама ушла, мы скучаем по ней, понимаете, – папа по ней не скучал, а мы скучали... В этом смысле не было никакого давления. Мы могли любить обоих родителей и были свободны в своем выборе.

Давление я испытывал со стороны своих братьев и сестры в течение нескольких лет. Потому что, как мне кажется, сестра в некоторых моментах чувствовала себя незащищенной. Я не знаю, как это произошло, потому что, по-моему, она никогда не конфликтовала с двумя другими братьями. Но мои отношения с ней в какой-то момент стали очень опасными. К сожалению, Энн начала принимать наркотики. И в большом количестве. В то время многие экспериментировали и делали разные нездоровые вещи. Два брата – может, они и пробовали что-то время от времени, но, к счастью, не увлекались этим. А сестра подседала на наркотики. И поскольку никого не было дома, она устраивала вечеринки, где люди пили и делали все, что хотели. Приходя домой, я был в шоке – мне хотелось вышвырнуть их всех вон. Но когда тебе, скажем, десять лет, ты не так силен, как все остальные... А ей всегда хотелось ругаться и бить меня. Так бывало всегда, и я был в трудном положении, это было время непрерывной

пытки. Мне не хотелось драться. Кто захочет ударить женщину? Как это? Я чувствовал, что «мальчики не должны драться с девочками». Это не в нашей культуре!

В Соединенных Штатах в то время такого не случалось – никто никогда не думал о том, чтобы ударить женщину. В США в то время все было иначе, чем с большинством людей в мире. Если мужчина ударит женщину, он отправится в тюрьму. В общем, этого нет в культуре. Я знаю, что в других странах иная ситуация, многие родители применяют физическую силу по отношению к своим дочерям, а муж запросто может ударить свою жену... К счастью, я рос в той культуре, где подобное было невозможно. Может быть, из-за того, что у нас достаточно свободного места, дома расположены дальше друг от друга... Меня просто возмущала сама мысль, что мальчик может ударить девочку. Так что мне приходилось постоянно защищаться в драках, чего мне никогда не хотелось.

И в ту пору, когда мы были подростками, я пытался, я старался избегать неприятностей и как можно больше времени проводить вне дома. Отец ничего не знал. Он просто приходил домой и, если ты был дома, то хорошо, а если тебя не было дома, он верил, что с тобой все в порядке. Отец верил. Он не знал, что я прошел все круги ада, ведь подобные вещи не случаются в детстве. Отец был более защищен.

Но однажды – в тот период, когда сестра пристрастилась к тяжелым опасным наркотикам, – отец каким-то образом узнал об этом. Но он не разозлился, он повел себя наоборот. Ему было интересно узнать, в чем же проблема. Ведь он не сталкивался с подобными вещами в своем поколении. Он собрал нас с братьями и сказал: «У вашей сестры проблемы, ей нужна помощь». И каким-то образом очень скоро сестра справилась с зависимостью и перестала принимать наркотики.

Многие люди были пойманы в эту ловушку... Моей сестре повезло, что она смогла справиться с этой проблемой так быстро. Это было время хиппи, и все увлекались, кто чем. Мой отец был очень удивлен произошедшим. Мы ожидали, что он будет в гневе, но он повел себя иначе. Он сказал: «У нас проблема. Все должны постараться помочь». Что-то произошло в его душе. Это было хорошо. Сестра была умной, и она сама с этим справилась. Она нашла в себе силы оставить эту разрушающую зависимость. Она почувствовала этот мир. Она поняла, куда направляется. Я счастлив, что Энн тогда сделала свой собственный выбор! Она была буддисткой и вегетарианкой. А потом, позже, она съехала от нас: переехала в другой город, поступила в университет, стала работать водителем автобуса в Энн-Арборе. Это один из самых прекрасных городов штата Мичиган. Энн стала полностью независимой женщиной.

Но, к сожалению, этот период жизни погубил многих неопытных молодых людей: наркоторговцы пытались поймать и посадить их на наркотики. К несчастью, моя сестра также попала и была на наркотиках в течение нескольких месяцев. Но для меня эти вечеринки и все эти люди в доме – это было просто ужасно. Я ненавидел их всех и хотел вышвырнуть вон. Мне не хотелось идти домой, и я не шел, когда у меня была возможность. У меня были друзья, я мог заниматься разными делами, но мне не хватало безопасного дома все эти годы. Это длилось всего три года – но казалось, что целую жизнь. После окончания старших классов сестра уехала. В Америке это было своеобразной традицией – уезжать после окончания школы.

Немного позже Энн вышла замуж. Ей хотелось выйти замуж не так, как обычно делают, не по традиции. Она выбрала буддистскую свадьбу. В ней никогда не было слишком много традиционной религии, несмотря на то, что бабушка была религиозной. Энн была яркой противницей религиозности, хотя Америка полна религии, религия повсюду, и она может душить людей – душить очень сильно. По телевизору – тоже одна сплошная религия. Но, к счастью, на нас религия не оказывала сильного давления. Так вот, сестра становилась все большей и большей сторонницей буддизма, это было интересно. Также она была вегетари-

анкой. И она говорила всем: «Не ешьте мясо – это убийство! Что вы делаете?» Мне было тогда десять лет, и я был совсем маленьким ребенком. А моя Энн постоянно говорила мне эти вещи. К сожалению, в тот момент мы не очень к ней прислушивались – нам казалось, что мы и сами все знаем. Пробуждение внутренней тишины, вегетарианская пища – было слишком много всего нового, чтобы понять и принять это. Позже все это снова пришло ко мне, пришло от Ошо. Но на самом деле моя семья положила тому начало. Индивидуальность Энн тронула меня, и я начал думать о том, что жизнь может быть самой разной. Этот импульс я получил от Энн. Энн была неким катализатором: всегда открытая для чего-то нового, увлеченная восточной религией, вегетарианством, путешествиями и изучением новых культур.

Я помню многое о том, как ходил на рыбалку, бывал на природе с отцом и братьями. Старшему брату, Брюсу, надоело ходить на рыбалку. Ему это не нравилось. Ему хотелось искать девчонок, подружек. Но второй брат, Аллен, отец и я – мы почти каждый день ходили на рыбалку, сидели в лодке, плавали через озеро, что-то делали. Было здорово просто быть вместе, понимаете, и мы были счастливы... Я очень хорошо помню то время...

Помню, однажды брат с отцом невзлюбили одну разновидность рыбы. Она им не нравилась, потому что съедала всю остальную рыбу. Ту, вкус которой им нравился, они считали «хорошей рыбой». А другую – «плохой рыбой». Мол, она не так вкусна и тому подобное. И вот как-то они поймали одну из тех «плохих рыб» и положили ее в лодку – они просто ждали, когда она умрет. А я понял, что это была «плохая рыба» и что они не хотели, чтобы она снова оказалась в воде, поэтому и решили избавиться от нее. Я это понимал, но я смотрел на эту рыбку, и мне... мне было очень жаль ее. Я также знал, что у меня будут большие неприятности, я знал это. Я знал, что если брошу эту рыбу обратно в воду, мне придется выслушивать отборную брань. И я просто наблюдал за собой – как я поднимаю рыбу и бросаю ее в воду. И на меня кричали, сильно. Но я был счастлив, потому что я не хотел позволить этой рыбе умереть.

И что произошло потом – в определенный момент все съехали из дома. Я один остался с отцом, иногда у нас еще бывал брат. И внезапно воцарился покой. Я был там один – и это были хорошие отношения. Старший брат обзавелся детьми, он жил где-то в тридцати километрах от нас. Сестра уехала. Второй брат иногда оставался дома, а иногда его не было. Так что, можно сказать, в старших классах я наслаждался полной свободой.

Первые путешествия

Когда мы учились в старших классах, нам было по шестнадцать-семнадцать лет, отец купил мне машину – старую машину. Но мне казалось, будто у меня появилась новая свобода. Что ты хочешь делать? С другом мы решили, что поедem в Калифорнию – отличная идея! Поедем на машине в Калифорнию! То есть тебе шестнадцать-семнадцать лет, у тебя есть машина и ты говоришь: «О'кей, я хочу проехать на машине десять тысяч километров, чтобы добраться до Калифорнии, а потом прокатиться по всей Америке», – и ты едешь туда на три недели. Хорошо. Езжай и сделай это. В этом был особый авантюризм, это было волнительно и захватывающе! Мы просто делали все, что хотели. И это была отличная поездка: вокруг горы, океан, парки.

До этого автостоп долгое время был единственным способом долгих путешествий. До того времени, как у меня появилась машина, если я хотел куда-нибудь поехать, я ехал автостопом. В Америке это более опасно. В России люди останавливают машину и говорят: «Хорошо, сто рублей или чуть больше в зависимости от того, куда вам надо доехать...» – и это безопаснее. Но в Америке – намного опаснее. Тебе может попасться какой-нибудь идиот, поэтому нужно иметь определенные экстрасенсорные навыки и способности. Нужно очень

быстро посмотреть и почувствовать: это плохой человек или хороший? Потому что ты всегда можешь выбирать, ехать тебе на этой машине или нет.

И мне всегда как-то везло, или же я «вытаскивал» из людей их лучшие качества. Не знаю, что это было. Такие путешествия были действительно опасны, потому что ты ловишь машину днем и ночью – вот как тогда путешествовали. Не было денег, чтобы поехать куда-то на автобусе. Если мне хотелось куда-то поехать, скажем, к маме во Флориду, (это было около трех тысяч километров), я путешествовал автостопом. Это было самым быстрым, увлекательным способом добраться до любого места – но и самым опасным. Я имею в виду, что там полно сумасшедших людей.

Помню, однажды меня подвозил один парень, бывший военный. Он подъезжает к заправке и говорит: «Подержи мою пушку». Я даже не знал, что у него было оружие. Он говорит: «На, подержи». Странный тип... Потом едем дальше. Через полчаса говорит: «Положи мою пушку сюда», – и продолжает: «Я тебя проверял». Я спрашиваю: «Зачем?» Он отвечает: «Потому что до меня эта пушка принадлежала кое-кому другому, и он пытался кое-что сделать. Все это время я держал тебя на прицеле из другого пистолета». Странный тип... Он вырос в условиях войны. Он вырос во время войны во Вьетнаме, где сегодня люди были дружелюбны с ним, а завтра могли бросить в него бомбу...

В общем, в этих путешествиях встречаются всякие разные чудaki... Они сажают тебя в машину, намереваются сделать с тобой что-то плохое, но потом выясняют, что ты хороший человек и оставляют тебя в покое, не пытаясь ограбить или спровоцировать на что-либо. В общем, это опасно. Но если я хотел что-то сделать, я это делал. И я взял с собой собаку. Я взял собаку в поездку в совершенно потрясающее место – Национальный парк Гранд-Каньон – это где-то две с половиной или три тысячи километров. Когда мне было около семнадцати лет, я решил, что уже достаточно взрослый. Мне там нравилась одна девушка. Я хотел поехать, чтобы увидеться с ней. Так что я просто взял собаку и поехал. Было много свободы, я вырос, узнавал жизнь, встречал разных людей...

Мне всегда так нравилось встречать разных людей – самых разных, всех национальностей, всех цветов. Черные, красные, белые, желтые. Мои родители имели предубеждения против черных, они не любили черных. А мне они нравились, и у меня были чернокожие друзья. Мои родители смотрели на них свысока. Просто было такое время в истории, когда черные и белые не любили друг друга... Помните ситуацию в Америке, когда черных обращали в рабство? С того несправедливого времени мы до сих пор не достигли баланса в этом вопросе. Если бы мои родители старались увидеть в каждом человеке индивидуальность, они бы подружились с черными, ведь черные – хорошие люди.

Мои друзья и я встретили нашего первого черного друга в ресторане, обслуживающем клиентов в автомобилях. Мы обедали внутри или снаружи, и наш друг работал там уборщиком. Обычно мы помогали ему, а он благодарил нас тем, что предлагал нам еще еды на наш выбор. Почему-то мой отец имел насчет этого предубеждения, сильные предубеждения. Не знаю, почему. Может быть, потому что он рос среди белых. Но у меня были чернокожие друзья. У меня были самые разные друзья. Это здорово, это был мой выбор и моя свобода. Знаете, для меня так было интереснее, понимаете, иметь таких разных друзей... И моя бабушка, у нее всегда было столько предубеждений. Тогда во мне зародились сильные подозрения. Как ты можешь быть религиозным и не любить этих людей? Я все время задавался этим вопросом. Я знал, что эта религия не работает. Как можно каждый день изучать, смотреть в свою книгу, молиться, делать разные вещи и носить в себе злобу по отношению к этим людям? Я не мог ничего понять. Но в то же время мне нравилось разбираться в этих противоречиях и использовать знания для духовного роста.

Когда мне было четырнадцать, мы с друзьями иногда работали ночью, разгружая грузовики. Склад находился рядом с нашим домом, и мы ходили туда ночью и спрашивали води-

телей, надо ли им что-нибудь разгрузить. Позже (летом, после окончания мной университета) мы с братом Алленом водили грузовик с мороженым. На грузовике был музыкальный колокол. Мы звонили в него, и к нам подтягивались покупатели. Мы продавали необычное мороженое – такое нельзя было купить в магазинах. Это было в Детройте, где в основном жили чернокожие. Все эти чернокожие дети бегали, играли, резвились, было очень оживленно. Но иногда в этом районе бывало весьма опасно. Моего брата грабили там не менее двух раз, угрожая при этом пистолетом. Брат работал в этом районе в течение многих лет. А я – лишь два месяца, может, чуть больше. Я решил, что мне нужно заняться чем-то другим. Продавать людям мороженое не было призванием моей жизни, мне хотелось чего-то большего, чего-то значительного. Работа продавцом мороженого была просто подработкой на лето – но интересной, потому что тогда я понял, что в Америке есть самые разные люди: греки, итальянцы, поляки. В России или Китае такого нет. Россия и Китай – страны-одиночки в большинстве их регионов, поэтому там не так сильна этническая напряженность, как в Америке. Америка в этом плане испытывает сложности из-за расовых предрассудков. Многим черным не нравились белые, а белым не нравились черные, и люди причиняли друг другу боль только из-за цвета кожи...

Были и другие опасности в процессе взросления. Моего брата однажды побили, когда он находился в том районе, где было больше черных. Он был с другом, у которого, к счастью, была очень темная кожа. Так что они не тронули друга, и друг смог защитить моего брата. Просто была такая энергия: были расовые бунты, разные происшествия. Такое было время – это было где-то в шестидесятые, давно, другая энергия. Были бунты, люди могли напасть на тебя. Никто не знал точно, что будет дальше. Это были другие времена, другие нравы.

Тогда я начал путешествовать автостопом. Понимаете, это опасно. Однажды Аллен приехал из Флориды ко мне, и мы поехали во Флориду автостопом. В тот момент он жил во Флориде, рядом с мамой. Я же был единственным, кто жил дома с отцом. Аллен сказал: «Поехали со мной, повидашь маму». И я сказал: «Хорошо». Я просто написал записку отцу: «Я еду на несколько дней на природу». Отец ни за что не разрешил бы мне ехать автостопом в такую даль, он бы стал беспокоиться за мою безопасность. Но мы это сделали: уехали посреди ночи. Представьте, каково это: ты должен бегать очень быстро, очень-очень, чтобы успеть сесть в машину, которая остановилась буквально на секунду. Потому что если тебя поймает полиция не на том участке дороги, тебе могут выписать штраф. Но это было здорово, в этом был некий азарт. Это было приключение: ты мог где-то путешествовать! Можно было действительно делать то, что хочешь в этой жизни. Ты рискуешь и делаешь все, что угодно! В общем, это было очень интересно: уехать на юг во Флориду, автостопом, впервые увидеть океан – там, в другой стороне. И снова встретиться с мамой после стольких лет разлуки – это было очень здорово. И я был рад, что смог найти в себе мужество, пойти на риск и сделать это!

Университетские годы

Вначале я имел очень слабое представление о том, чем бы мне хотелось заниматься в жизни. Я увлекался спортом и, как и многие люди, не знал, чему мне посвятить себя. Я не мог определиться. Я выбрал направление «Экология и окружающая среда», потому что мне хотелось делать что-то хорошее для Земли. Таковы были мои ощущения: нужно делать что-то хорошее для жизни, хорошее для нашей планеты, а все остальное приложится. Я не выбрал путь обычного бизнесмена. Мне казалось, что жизнь – это что-то большее, и что мне следует рискнуть и вложить свою энергию в то, что поможет Земле, поможет людям в гораздо большей степени. Так, выбор направления «Экология и окружающая среда» был

довольно трудным делом, потому что это было ново и немодно в то время. Кроме того, не было четкого понимания, где можно было бы применить навыки в этой области.

Но я был страстно увлечен экологией, я понимал, что нам нужно заботиться о Земле, и в своем выборе следовал велению сердца и интуиции. Это позволило мне выполнить большой объем работы в США – в национальных парках, за которые я очень благодарен... Это также было определенным образом связано с другим моим исследованием в жизни: мне не хотелось идти по дороге, по которой шли все остальные, и я наблюдал за тем, чем занимались люди – бизнесмены, врачи, полицейские, ученые, исследователи, преподаватели, политики и другие, – пытаюсь понять, кто из них был счастлив. Также я стремился понять, кто не счастлив, – я думал, это поможет мне сделать правильный выбор в собственной жизни...

В общем, так или иначе, мне кажется, что общение с природой наделило меня такой силой. Понимаете, было столько счастья. И когда я поступил в университет, я стал членом команды по бегу. Я сказал тем парням: «Не знаю, смогу ли я это сделать. Я боюсь, из-за тренировок у меня не будет оставаться времени на учебу». Потому что теперь я впервые переживал из-за учебы. Тогда я только-только поступил, и мне хотелось быть уверенным, что меня не отчислят. В университете я думал: «Теперь я должен работать. Теперь я должен делать уроки, потому что иначе меня отчислят, а шанс дается только однажды...» Я боялся всего этого, когда поступил в университет. Я думал: «Теперь я должен это сделать, потому что за это платятся деньги. Я плачу эти деньги, хотя на самом деле их зарабатывает отец кровью и потом. Я не хочу, чтобы его труд пропал зря, ведь он пожертвовал стольким ради меня. Я просто обязан хорошо учиться. Мне нельзя поступать иначе. Я должен учиться достойно и добиться успеха».

И мой тренер сказал мне, что те, кто занимается спортом, лучше учатся. Я был очень удивлен. Я не особо верил его словам. Он сказал: «Если ты занимаешься спортом, ты лучше учишься». Но я-то слышал всякие истории о том, как известные футболисты провалились на экзаменах в университете и поэтому вылетели из спорта. Но тренер оказался прав. Потому что, если ты занимаешься спортом, это означает, что ты каждый день упражняешься. Ты на особом положении в университете. Другие люди – они только и занимаются тем, что ходят на учебу. Они очень ограниченные и никуда не движутся. Они чаще впадают в депрессию. Учеба-дом, учеба-дом – они теряют себя, выполняя рутинную работу... Тренер был прав. Ежедневные занятия спортом – это вызов: я должен делать лучше. Я должен бежать быстрее. Я должен прыгать выше. Это невероятно. Я должен двигать свою энергию и направлять ее не только в голову.

Когда мы живем только «головой» – это скучно. Что ты собираешься делать со всей этой информацией в своей голове? Зачем она тебе? Это не делает тебя таким уж умным...

В тот момент я об этом не знал. Теперь знаю достаточно хорошо. Потому что у меня были обе жизни! Я хорошо учился, был отличником в учебе и прекрасно показал себя в спорте. Но при этом я упустил одну важную часть – смысл, глубокий смысл своей жизни. Так было, когда я учился в университете. Я отлично справлялся со всеми заданиями, но при этом постепенно терял смысл своей жизни. Я не мог найти его в рутине университетской жизни. Я был успешным в учебе, в спорте, но внутри я боролся сам с собой. Я не знал, как направлять свою энергию, я только начал учиться тому, что называют Жизнью. Но поначалу вопросов было слишком много. Что делать? Ведь большую часть моей жизни занимала учеба, учеба, учеба – бесконечная учеба. И когда я закончил учебу, я почувствовал, что вот сейчас, наконец, наступит хорошая жизнь. И возможность жить креативно была своеобразной наградой. Понимаете, для меня хорошая жизнь означала работать в сфере экологии. Папа говорил: «Может, ты хочешь быть инженером, может, ты хочешь заниматься этим?», – но он не давил

на меня. Он сказал: «Это твоя жизнь, твоя свобода. Ты делаешь свой выбор». Конечно, у него были свои идеи, но он никогда не давил на меня.

И так случилось, что я выбрал то, что ему было меньше всего по душе, – экологию. Потому что у моего отца был склад ума скорее республиканца. Он считал, что «мир большой и ты можешь делать все, что захочешь». А я был скорее демократом, чьи партийные идеалы звучали так: «Ты должен заботиться о Земле: сохранять чистоту воды и воздуха, не разрушать лес». У него были противоположные взгляды и противоположные идеи. Отец был весьма шокирован. Конечно, он любил природу, ему, в какой-то степени, нравилось заботиться о лесе – потому что он был охотником. И он прекрасно понимал, что его сыну нужно выбрать то, что будет ему по душе. Итак, я поступил в университет с чувством полной свободы и желанием построить свою жизнь. Для меня это было чем-то, что я любил, у меня не было абсолютно никаких амбиций и стремления к большим деньгам. Экология была тем, чем я хотел заниматься. Я знал, что она важна для жизни всех людей – таков был мой взгляд на эту науку.

Еще в школе я хорошо решал головоломки, и это помогло мне в дальнейшей учебе. Потом, когда я учился в университете, все мои друзья сдавали математику – год за годом была одна сплошная математика... Четыре года в университете и три из них они решали математику, математику и еще раз математику... А мне нравились головоломки, поэтому мне пришлось сдавать математику только дважды. Это были самые сложные два раза. Самые тяжелые... Я сказал: «Хорошо. Мне все равно. Я попробую». И после этого мне сразу выдали сертификат по математике, потому что я всю ее прошел на этом экзамене.

Мне как будто везло – вроде как у меня здоровое тело, я спортсмен, а значит, мозг работает хорошо. Но я просто не заиклен, не зажат... когда пытаешься найти и ничего не видишь. Я интересовался более глубокими вещами. Я увлекался экологией и занимался внутренними поисками, поисками себя. В университете у меня была другая жизнь. Я жил в университете, а он был действительно огромным – сорок пять тысяч человек. Университет штата Мичиган – это был рай бегуна. Ему принадлежал такой огромный университетский городок, в котором километры за километрами находились сельскохозяйственные и лесохозяйственные участки. Я мог бегать там, заниматься спортом и исследовать природу. Предметы в университете были для меня интересными, и я страстно хотел учиться.

Я был одержим учебой. Меня все интересовало, включая здоровье и питание. Я был счастлив, что мне не приходилось впустую тратить время в университете, чтобы заниматься математикой и снова математикой. Все мои друзья стонали от такого объема заданий, страдали, проваливались или сдавали... Со мной было все наоборот. Я сдавал все самым первым. Я мог заниматься другими вещами, которые мне нравились и казались важными – например, экологией, альпинизмом и здоровым питанием и другими подобными вещами.

В то время, учась в университете, я наблюдал за людьми, чтобы понять, как они живут. Я наблюдал за студентами, профессорами, сотрудниками университета, и каждый из них давал мне определенное представление об их жизни и том, верное ли направление они выбрали. Я смотрел на профессоров не только как на своих преподавателей, но и на то, какими людьми они были. Нашли ли они смысл своей жизни? Была ли их жизнь яркой и насыщенной? И, на мой взгляд, никто из них не жил такой жизнью, о которой я мечтал. Никто из них будто так и не нашел свой единственно верный путь в жизни. Никто не выглядел увлеченным – я не видел ни одного мужчину или женщину, которые бы светились изнутри, которые заряжали бы своей энергией остальных. Я не видел никого, кто мог бы вдохновлять.

Был один учитель, Кевин Готтлиб, который был очень силен. Он читал лекции по предмету «Политика экологии». Кевин был очень сильным, очень вдохновляющим, но все равно ему не доставало двух важных вещей: медитации и восточной мудрости. И в нем не было огромной любви и сострадания – всего того, что я позже нашел у Ошо. И, тем не менее,

Кевин был далеко впереди всех с его страстью, ясностью и смелостью, так что я должен упомянуть его здесь.

Спортивная команда. Мано – в третьем ряду слева

Юность

Соревнования. Мано – № 210

Глава 3

Поиски пути

Первые медитации

Каждое лето наступали каникулы – отдых от учебы. И однажды летом, когда мы с другом поехали на машине отдыхать на природу, мы встретили одного вдохновляющего человека. Он показался очень медитативным человеком – в действительности, это был мой первый опыт встречи с кем-то, обладающим такой сильной медитативной энергией. Я узнал, что его звали Джереми и что он бросил армию, уйдя в медитацию и погрузившись в одиночество. А здесь, в лесу, он отдыхал со своими собаками, с огромной страстью и невероятным терпением пытаясь достигнуть внутренней тишины. Он стремился исследовать самого себя, свое «Я». Это восточный подход к пониманию жизни: открыть своего внутреннего будду, свой внутренний огонь, внутренний свет. Безмолвный, в ожидании – восточный стиль, буддистский стиль... И однажды он нашел что-то и решил поделиться этим со мной. Всего два-три часа, но они сыграли очень большую роль в тот момент. Я бесконечно благодарен за этот первый опыт – возможность быть рядом с таким осознанным, медитативным человеком. И он дал мне книгу Германа Гессе о Сидхартхе: там описывалась история трансформации Сидхартхи в Гаутаму Будду. Это была популярная книга в Америке, но я никогда не видел ее раньше.

Джереми обладал особыми, медитативными качествами: он был расслабленным, и что-то было в его глазах, присутствие чего-то внутреннего... Я чувствовал, что с ним произошло что-то очень важное. Я был потрясен и удивлен. Я встречался и беседовал с ним. Мы разговаривали по несколько часов. И еще в то время, когда я учился в университете, очень быстро приобретало популярность другое большое «явление» – Карлос Кастанеда.

В России это имя действует на людей, как гипноз, – он очень популярен. Его книги очень интересовали меня – это был совершенно иной угол зрения. Может, из-за этого, а может, из-за чего-то другого, я решил работать с американскими индейцами. И поскольку я занимался экологией, природой, у меня была реальная возможность участвовать в программах в разных частях страны.

Я работал в различных национальных парках и с различными памятниками. И одним из мест, куда я попал на работу, была резервация индейцев Бэй Миллс на берегу Высокого озера. Потом я работал с индейцами – в разных местах, начиная с Мичигана и заканчивая Северным полуостровом. Я работал с ними в течение трех месяцев. И я встретил одного мощного человека, духовно сильного человека, который играл на фортепиано и пел, – очень сильного. От него исходила очень мощная и всеобъемлющая энергия. Его звали Арт. Еще он иногда курил сигареты. Это было очень интересно – он был, пожалуй, самым сильным

человеком, самым энергетическим, если можно так сказать, из всех, кого я встречал... Понимаете, у людей есть тела, но сами люди – не сильнее, чем их тела... А Арт был другим. Он был сильнее своего тела.

Я прожил с американскими индейцами больше трех месяцев, занимаясь разными делами. Мы ремонтировали дома, изучали экологию, учились заботиться о себе. Я начал ощущать вкус немного другого мира. И я показал Арту техники Кастанеды, и он сказал: «Это все чушь». Арт вошел в мир мистики задолго до меня. Он не обманулся бы кем-то вроде Кастанеды. Арт всегда был интересным и дружелюбным. Он был самостоятельным цельным человеком с четким пониманием того, каких опасностей можно ожидать от жизни.

В течение всего предыдущего года я выполнял одну из техник Кастанеды – ту, когда ты идешь и одновременно расслабленно смотришь вокруг... Это была визуальная техника, при выполнении которой ты можешь видеть ауру окружающих тебя живых существ. Я выполнял ее в Энн-Арборе, Мичиган, – городе, где жил тем летом.

В то время Кастанеда был очень популярен. Его учение было увлекательно, потому что включает мировоззрение индейцев, некоторые новые подходы к жизни и рассматривает путь воина как духовный путь. Это цепляло людей, потому что в этом все же была правда. Но все же суть его учения представляла собой некую «духовную фантастику», которая одновременно цепляла и запутывала людей. Многие люди впоследствии были разочарованы его учением и смущены, что так слепо поверили ему, потому что все это было вымыслом. Далекими от реальности вещами. Может, в них есть немного, очень немного реального, но, по существу, это вымысел.

Когда ты только начинаешь изучать что-то, ничего не зная о жизни, все кажется тебе реалистичным. Но для меня техники Кастанеды – вымысел. Есть другой мистик – Ошо. И с ним все по-другому. Когда я впервые приехал к Ошо, когда я увидел Ошо, это было невероятно. Я чувствовал энергию, свет, ауру Будды и всех окружающих людей. И в тот мой первый приезд в Пуну, в Индию, я сказал: «Я вернусь через три года». Я был не очень умен тогда – просто в том возрасте обычно хочется сделать и это, и то. Я хотел пожить на Аляске, хотел поехать посмотреть тех кастанедовских индейцев... И я не думал, будто жизнь не собирается подождать меня. Понимаете, это как бы... когда твоя жизнь слишком распланирована. А позже я услышал, как Ошо сказал нечто такое, что мне очень помогло. Он сказал: «Это чудо, как Кастанеда, который знал, может, один процент от всего Знания, который не знал Истины, написал такую хорошую выдумку. В одном проценте Кастанеда, возможно, не ошибался. В общем, в одном случае из ста Кастанеда мог быть прав». И Кастанеда всех этим зацепил в своих книгах. И это было интересно, потому что дало мне свободу. Я думаю, что только Ошо мог дать нам ясность в этом вопросе. Ошо, казалось, специализировался на том, чтобы вытаскивать людей из разных религиозных выдумок – я имею в виду не только Кастанеду. До этого, когда я читал книги Кастанеды, я не знал, что было реальным, а что нет. Я просто подумал, что мне нужно стараться и развиваться в этом направлении. Книги Кастанеды представляли собой смешение самых разных подходов – это и пленило людей, которые искали новый образ жизни.

Да, вначале это было для меня интересным приключением. Но теперь я счастлив, что не углубился в учение Кастанеды, а нашел Ошо, благодаря которому приобрел глубокий и полезный опыт. Любовь, медитации, работа с эмоциями дали мне новую жизнь.

Кстати, о любви. Я вспомнил одну историю – про скунса на берегу. Я шел вдоль пляжа, что недалеко от небольшого городка под названием Южная Лагуна, штат Калифорния, и заметил что-то на песчаной скале. Там росли небольшие кустарники, и среди них я обнаружил скунса – скорее всего, он сбился с пути. У бедняги голова застряла внутри бутылки йогурта «Yoplait», я подумал, что он может умереть от удушья или истощения. Медленно, как только мог, я подошел к скунсу – очень тихо, без единого звука. Когда я был достаточно

близко, то попробовал освободить его. Как вы знаете, скунс защищается, обливая своих врагов и невероятно противным химическим веществом, и потребуются недели, чтобы избавиться от этого запаха. Поэтому я решил действовать быстро: схватил бутылку с йогуртом и нажал на нее. К моему удивлению, скунс тут же подлетел в воздух и приземлился на меня сверху. Я скинул его на землю, отбежал в сторону и стал спускаться вниз по скалам, чтобы избежать его «химической атаки».

Спустившись с обрыва, я посмотрел вверх. К моему удивлению, голова скунса по-прежнему была «заперта» в бутылке. Скала был достаточно крутой, и мне пришлось лезть наверх около 30 метров. Зато я морально подготовился для второй попытки. Подойдя максимально близко к скунсу, я схватил бутылку и изо всех сил стал тянуть ее наверх. Раздался громкий хлопок – и вот я уже бегу вниз по склону с бутылкой из-под йогурта в руке. Я подождал немного, а потом решил вернуться, чтобы посмотреть на скунса поближе. Его взгляд просто светился любовью – я никогда не видел подобного в глазах животного. Скунс был свободен, и, безусловно, ощущал любовь и благодарность по отношению ко мне. Скунс был свободен, а я был счастлив!..

Рядом с Ошо все становится понятно так быстро. Потому что Карлос Кастанеда – это лишь книга. Вы не встретите Карлоса Кастанеду – он словно не настоящий человек. Он не стоит где-то там, впереди, где все его могут увидеть и найти. Например, если кто-то хочет увидаться со мной или с вами, они могут увидеть нас, мы настоящие. Ошо тоже настоящий. Вокруг него собирались тысячи людей, они делали его медитации и трансформировались – и продолжают трансформироваться. Карлос Кастанеда – это в большей или меньшей степени выдумка. Вы просто читаете плод чьей-то фантазии: в ней нет силы, нет реального человека, нет такого большого дара людям.

Люди всегда знали, где находится Ошо... Он создавал техники медитации, разговаривал с тысячами людей. Он критиковал все религии, которые ему не нравились, – он критиковал все, что, как ему казалось, ограничивало потенциал людей. Его можно найти. Любите вы его или ненавидите, его можно найти. И он подарил революционные техники – такие как *Мистическая роза Ошо*, *Динамическая медитация*. Ошо можно найти – а Карлос Кастанеда скрыт. Вы читаете его книгу и думаете: «Хорошо, возможно, я попробую это, может, мне повезет» – и все ищут что-то, чего не существует. И многие люди приходят из-за этого в состояние внутреннего хаоса. Они становятся беспокойными, потому что пробуют эти техники, но они не работают. Это не те современные техники, которые на самом деле можно выполнить и получить ошеломляющие результаты. И где же Карлос Кастанеда, где?.. До него нельзя добраться. И если вы глубже вникнете в его книги, то поймете, какой там царит хаос. Вы увидите в них столько стресса, связанного со встречей мужчины и женщины, и такое это, проявляющееся в отношении Ошо и медитации... Эта вещь лишь для первых шагов.

Мне это было интересно. Но, к счастью, я скоро потерял к этому интерес. Я пытался делать эти техники совсем недолго – наблюдал за своей энергией и ждал, к чему все это приведет.

Раскрытие способностей

Во мне открывались какие-то новые чувства, какие-то переживания. Необходимость чувствовать что-то большее. Иногда я удивлял сам себя: у меня как будто появлялись особые силы в чрезвычайных ситуациях. Я не знал об этом, но это действительно было так. Когда мы ехали на машине, перед нами на шоссе возникло большое облако пыли и что-то в этой пыли – что-то, похожее на большой грузовик. Через секунду я понял, что это и был большой перевернутый грузовик.

Итак, там был такой большой грузовик, с молоком, он вез молоко. Это была огромная автоцистерна, водитель не справился с управлением, она перевернулась и разбилась, прямо посередине дороги. И нам пришлось остановиться, потому что была перекрыта вся дорога. Отовсюду лилось молоко, а люди просто стояли там и смотрели. Я вышел из машины, посмотрел и сразу же, первое, что я сделал, – побежал к той штуковине, закрыл крышку, и молоко перестало выливаться. Галлоны молока, один за другим, выливались из разбитой цистерны каждую секунду, а я взял и остановил этот молочный поток. Все были удивлены: кто этот подросток, который полез в разбитый грузовик? Никто не мог этого сделать – все боялись. Но я просто пошел и сделал это. Как будто я этому обучался – как будто кто-то показал мне видео «Что нужно делать, если вы увидите аварию с молоковозом: спасайте молоко». Я не знаю, почему, но я просто остановился и сразу же сделал это.

В общем, у меня есть некая способность действовать в чрезвычайных ситуациях. Я активизируюсь.

Я любил приключения. Когда я учился в университете, мы с Алленом и одним из его друзей ходили на одну спортивную выставку. Там были различные палатки, такие вещи, как куртки, сохраняющие тепло, и много других вещей, которые можно было купить, – все связанное с кемпингом и походом. Мне это всегда нравилось. В университете моим любимым направлением была экология, поэтому все, что было связано с природой, я воспринимал с восторгом. Летом мы всегда устраивали кемпинг, занимались греблей на каноэ, ходили в походы или находили другие возможности быть ближе к природе... Мне это просто нравится: и каноэ, и рафтинг, и катание на лыжах зимой.

Но на этой выставке было еще нечто такое, чего я никогда раньше не видел. И я не мог уйти оттуда просто так. Там был медведь – такой большой бурый медведь, из тех, которые водятся на Аляске. И с этим медведем можно было побороться. Это был не бокс, а именно борьба. И тот, кто победит, получал приз в пятьсот долларов. Это были большие деньги по тем временам, огромные деньги. Я просто сказал: «Как мне записаться на участие?» Понимаете, медведь большой, он опасен. Он может убить человека, если что-то взволнует его. Конечно, у этого медведя не было когтей, но его удар был очень мощным – настолько, что он мог бы проломить любому череп... Итак, я записался, и мне сказали: «Ваша очередь завтра». Такое чувство, что просто сотни людей мечтали побороться с этим медведем. Но ведь не всякий может сделать такое. Требуется огромное мужество, чтобы запрыгнуть на него и повалить наземь. Но я просто сказал: «Хорошо, я это сделаю».

Всю ночь мне снились жутчайшие кошмары. Я не мог спать. Я не мог заснуть накануне. Мне снилось, как медведь задрал меня, мне снилось, что у меня в кармане была рыба, и я дал ему рыбу в качестве отвлекающего маневра – всякие разные кошмарные сны. Это была очень страшная ночь для меня, это была поистине ужасная ночь. А на следующий день я проснулся и пошел побеждать в схватке с медведем. Я знал, что медведь очень силен. Медведь просто кладет на тебя свои лапы, и ты не можешь сдвинуться с места. Он настолько сильный и большой. Медведи большие, это был большой медведь, с Аляски. Но я разработал свою тактику схватки с медведем, я был очень решительным. Хотя что с ним можно сделать? С медведем ничего не сделаешь – он не с такими габаритами, как у меня. Я толкал его со всей силы, но ничего не происходило: как будто я пытался сдвинуть стену. Медведь был очень сильный и, одновременно, очень мягкий. Толкнуть его – это было для меня так ново и интересно: он был такой мягкий, мне нравилось прикасаться к нему, мне нравилось касаться медведя. Мне нравятся подобные вещи. Я не мог успокоиться еще три недели после этого. Это был просто большой счастливый выброс адреналина – я это сделал. И мой друг тоже сделал это. Мой брат не стал, а друг сделал – я сказал ему «иди и сделай это», и он сделал. Никто из нас не выиграл приз, но мы отлично провели время. Моя схватка окончилась вничью, и медведь не победил меня!

В общем, у меня были такого рода приключения, мне не бывает скучно по жизни. Если бы вы сказали: «Мано, в твоей жизни осталось пять свободных дней», – я бы очень творчески подошел к их использованию – что бы я посмотрел и что бы сделал. Я бы практиковал самые разные медитации. Самое интересное, что спустя некоторое время у меня произошла еще одна встреча с медведем. На Аляске на меня практически напал медведь гризли, и после той схватки на спортивной выставке я знал, какие они большие и насколько опасными могут быть.

Это было далеко от цивилизации – рядом с горным массивом, где находится Национальный парк горы Мак-Кинли. Нам дали специальные инструкции, прежде чем позволить отправиться на прогулку, – нужно было посмотреть видео, чтобы узнать, что нужно делать, чего не нужно делать... В Америке, где существуют парки с опасными животными, всегда выполняются меры предосторожности. Итак, я посмотрел видео. Там говорилось: «Если вы встретите медведя, положите руки на голову и начните говорить». Самые глупые вещи, вроде: «Здравствуй, медведь. Как поживаешь?» Попробуйте говорить и выглядеть большими – поэтому нужно поднять руки в воздух настолько высоко, насколько можете, так вы будете казаться больше, чем медведь. И когда в горах, далеко от людей, мы вдруг увидели медведя, я вспомнил видео и попробовал поднять руки и поговорить с ним – не сработало. Медведь просто приближался, все ближе, и ближе, и ближе. Оставалось несколько метров... И друг, с которым мы отправились на эту дальнюю прогулку, побелел. Его лицо стало совсем бледным.

Но нет, мы не убежали. Я сказал своему другу: «Не шевелись. И не беги. Это худшее, что можно сделать». К счастью, нас об этом предупреждали. Нужно просто стоять и казаться большим. И говорить. Говорить для того, чтобы не бояться. Я помню, что тогда впервые говорил с медведем. Мне нужно было оставаться абсолютно спокойным, пока медведь подходил все ближе и ближе. Я должен был продолжать диалог, а он приближался. Сто метров, девяносто, восемьдесят, семьдесят, шестьдесят, пятьдесят... А затем, когда оставалось около сорока метров, он вдруг остановился и встал на задние лапы. А я все равно продолжал говорить, глядя прямо в глаза медведю. Это было испытание моей медитации!

В тот момент я просто должен был продолжать говорить, чтобы встретиться с медведем, собрав всю мою энергию. И никто не знал, что могло произойти в следующую секунду. Но в последний момент медведь повернулся назад и пошел к тому месту, где мы оставили свои рюкзаки. Наши рюкзаки тогда, высоко в горах, где рядом не было ни души, стали нашим спасением. Рюкзаки не представляют для медведя абсолютно никакого интереса: вся еда там хранилась в специальных защитных контейнерах. Но, к счастью, они отвлекли внимание медведя. Он подошел вплотную к краю обрыва, где лежали наши рюкзаки. У меня было такое ощущение, что медведь просто парил над землей. Он выглядел таким грациозным. Тогда я сказал своему другу: «Теперь двигайся медленно и беззвучно. Скройся из виду». И мы тихонько пошли в сторону, а когда медведь не смог нас видеть, мы побежали и спустились вниз с другой стороны, не с такого крутого утеса. Но важно сделать это в нужное время. Если вы побежите не вовремя, то вам конец. Поэтому мы шли тихонько, затаив дыхание, а потом побежали вниз с горы, оглядываясь вверх. Там с одной стороны был спуск, а с другой – отвесный обрыв.

И это было так странно, вы даже не представляете. Он был повернут в сторону обрыва – медведь – он играл с мешком, пытаясь достать из него еду. И он подталкивал мешок к краю обрыва, мы видели это. И вдруг мешок упал с обрыва. Я подумал: «О, классно», – и побежал за мешком. Я бежал, потому что это была очень большая гора. Я посмотрел вверх – и испытал самый большой шок в своей жизни. Медведь прыгнул с обрыва вслед за мешком – а гора была почти вертикальной! – и бежал или летел напрямиком вниз. Тогда я сказал: «Пойдем,

пока он нас не увидел снова. А то тогда нас ждут большие неприятности». И мы побежали изо всех сил.

Мы оказались в непростой ситуации. На Аляске (а это происходило там) быстро темнело, а у нас не было ни еды, ни каких-либо вещей. Я нашел ручеек, и мы быстро стали спускаться вниз по ручью. Склоны были очень крутыми, а нам приходилось прыгать с утеса на утес и переходить вброд холодную реку. Нам потребовалось шесть часов, чтобы подняться на гору, а пробежать вниз по ручью мы смогли за полтора часа. Мы боялись встретить еще медведей. Мы вернулись как раз перед тем, как стемнело, но нам еще предстояло перейти через очень холодную замерзшую реку. Вода была просто ледяной! Я положился на свою удачу и интуицию: нужно было выбрать верный путь, потому что дно было неровным, и вода могла быть тебе по колено, а через секунду ты уже скрываешься под водой с головой. Течение было очень сильным. Мы пересекли реку по диагонали, придерживаясь камней, чтобы периодически отдыхать. Река была около двухсот метров в ширину. К счастью, нас не унесло течением, и вода доходила нам только до груди. После того, как мы оказались на другом берегу, нужно было идти еще два километра, чтобы добраться до лагеря. Но мы это сделали. В лагере нам сразу оказали помощь смотрители парка. Мы были истощены и дрожали всем телом. Утром, я поднялся на гору опять, вместе с женщиной, работавшей смотрителем в парке. У нее было две винтовки (одна из них – транквилизатор) и пистолет. Она была готова к встрече с медведем. Медведя в том месте не оказалось, но мы нашли на сосне мой рюкзак. Медведь закинул его туда, оставив несколько глубоких царапин когтями на ткани – в качестве сувенира для меня!

Некоторые моменты трогают меня, когда я о них вспоминаю. Когда я работал в Бей Миллс с американскими индейцами и когда трудился в сфере экологии, иногда случалось так, что по работе мне приходилось отыскивать определенные растения. Особые растения, которые нужны в целительстве для лечения спины или чтобы принимать внутрь. Иногда это было любопытно: наблюдать, кто первым найдет нужное растение. Но как искать эти растения? Каким-то образом у меня это очень хорошо получалось: моя интуиция подсказывала, где они растут. У меня была очень сильная интуиция в этом отношении. Мне просто приходило на ум, что это растение может быть где-то в двух километрах вниз по дороге – и вот я иду и нахожу его. Я любил получать такие задания – находить что-то на природе. Так я развивал свою интуицию.

Однажды случилось вот что. Когда я был в Международном медитационном курорте Ошо (еще до того, как Ошо вышел из тела), мы очень торопились, работая над перепланировкой одного нового здания. Это был большой высокий старый индийский особняк, если можно так сказать, и нам нужно было его переделать. Я отвечал за кровлю. Со мной на крыше работала команда, состоящая примерно из тридцати индейцев. И они меня любили. Это был не первый наш совместный проект, но на крыше мы работали в первый раз. Они сказали, что я должен быть мэром их города, так им понравился мой подход к работе. Мы работали с энергией, мы работали счастливо, и в то же время мы старались сделать работу хорошо. А нам нужно было сделать эту работу быстро.

И однажды во сне я увидел, как один человек отрезал руку электроинструментом. У меня был сильный шок. Наутро я проснулся и подумал: «Я должен что-то сделать, мой сон – это послание». Я решил, что это был знак: мол, энергия становится опасной, и скоро может произойти несчастный случай. Помните, я говорил, что в чрезвычайных ситуациях я всегда мобилизуюсь и ищу новое решение, новый подход, новое видение ситуации? Так вот, я решил, что никто не отрежет себе руку электроинструментом во время выполнения нашей работы. На следующее утро я объявил команде, что мы не будем использовать электроинструменты на крыше в течение недели. И трагедии не произошло: я почувствовал, что что-то может случиться, и сменил энергию. И это очень интересная часть нашей жизни.

Я всегда чувствую опасность.

Каждую секунду может произойти что-то плохое, и если мы немного поработаем с осознанностью, мы можем это изменить.

Я понял, что если бы я не прислушался к своему сну и ничего не предпринял, произошёл бы несчастный случай. Но я его предотвратил, потому что сменил энергию. Работа пошла медленнее, но зато люди были в большей безопасности. Крыша может быть очень опасным местом – особенно скаты крыши со скользкими водостойкими обшивками, которыми мы покрывали поверхность, чтобы защитить ее от дождя. Можно скатиться с нее, можно упасть и разбиться насмерть, если не соблюдать осторожность. Поэтому нам давали страховочные веревки, и мы привязывали себя – это особенно важно, когда ты стоишь на самом краю крыши. Кто-то должен держать конец веревки в течение всего времени, пока ты выполняешь свою работу. Иногда тебе приходится обматываться веревкой вокруг талии, чтобы обе руки были свободными. Так, это просто был случай с моей интуицией. И я многое узнал о том, как доверять ей.

Медитации Ошо очень хорошо пробуждают нашу глубокую чувствительность. Практикуя их, мы можем понять, какие опасности в жизни нас подстерегают.

Многие люди не знают, что означает тот или иной сон и как его толковать. И они переживают во сне очень плохие эмоции – обычно это что-то из прошлого или что-то еще, что может произойти вскоре. Так что это очень полезно – делать медитацию. Она дает нам силу понять, что происходит внутри нас, включает такие глубинные уровни, как подсознание и сны.

Это очень важно – иметь нечто похожее на экран радара внутри себя.

И медитация необходима для этого.

Медитация дарит нам чистое и сбалансированное поле энергии, а также помогает нам понять, когда что-то идет не так – ваши чувства сразу подадут сигнал об этом. Я понял, что стоит прислушиваться к своим снам. Тогда я получил сигнал во сне. У меня в работе никогда не было несчастных случаев, хотя опасные ситуации были нередки. Со мной в этих делах никогда не случалось ничего по-настоящему плохого, потому что я чувствовал опасность и был предупрежден о ней своим чувствованием.

Пребывание в Мексике

Я задался целью понять коренных американских индейцев, полагая, что они, возможно, более укоренены в сердце, чем другие люди. И мне повезло: с одной работы меня отправили в Мичиган на озеро Верхнее, где я стал работать с индейцами племени чиппева и многому у них научился. У меня появились близкие друзья из этого племени. Я понял, как быть ближе к природе, я учился тому, как больше уважать природу, я узнал от индейцев некоторые секреты – как поддерживать хорошую память, как запоминать важные вещи, как вести себя в чрезвычайных ситуациях – и был очень за это благодарен.

Также мне довелось работать с американскими индейцами в штате Нью-Мексико. Я общался с индейцами племен навахо и апачи, и для меня это был прекрасный опыт. Я работал в Национальном парке Карлсбад Кэверн – там у меня была работа, связанная с окружающей средой, я рассказывал подросткам, только что закончившим школу, об экологии. И для меня это было очень важно, такое общение. Карлсбад Кэверн больше походил на пустыню, и мне это нравилось. Мне нравилось спать под открытым небом, под звездами, прямо в парке, и это было немного страшно – потому что там могли быть ядовитые змеи, мимо могли проходить олени, или внезапно мог появиться «сюрприз» в виде скорпиона. Я был один. Я мог полагаться только на самого себя во время этих приключений, но мне это очень нравилось.

Потом я неделю жил с индейцами яки. Я специально поехал туда, чтобы найти их и посмотреть, как они живут. Я добирался туда на самолете до мексиканской границы, потом на автобусе и затем автостопом – до небольшого мексиканского городка рядом с поселением яки. Мне тогда было двадцать три. Это была солнечная жаркая страна, и вокруг везде, куда ни взглянешь, росли кактусы. Там жили индейцы яки, и в этом месте царила какая-то особая неповторимая энергия. Но индейцы яки не были свободными. Это Мексика – индейцы там не свободны... В Америке, где у индейцев есть свое собственное место – это резервации, куда другие люди не могут входить без специального разрешения. Но в Мексике в то время о них не так хорошо заботились.

Яки были бедны. Они жили далеко посреди пустыни, в стороне от города. И я решил остановиться в ближайшем к ним городе. Там я подружился с одним человеком – начальником поезда. Один вагон пустовал, и мы договорились, что я заплачу ему денег и буду жить в этом вагоне. И я жил в нем в течение недели. В пустыне днем было очень жарко, и я ходил и узнавал разные вещи об индейцах. Их деревня находилась в уединенном месте, и они не любили (да и не привыкли) много говорить. Они приносили вещи из пустыни, чтобы разводить костры в холодные ночи. А ночью я выходил на улицу и делал *Динамическую медитацию Ошо*: специальные дыхательные практики, техники эмоционального освобождения, издавал громкие звуки, прыгал, слушал тишину и танцевал. Это было очень сильно энергетически – особенно под небом, усыпанным звездами. И очень страшно, потому что – кто знает? – вдруг придет какой-нибудь индеец и схватит тебя, потому что ты, во-первых, незнакомый человек, а, во-вторых, мешаешь ему спать. Вокруг были протоптаны небольшие пешеходные дорожки, и я понятия не имел, ходят ли по ним ночью. Но я шел на риск, потому что хотел делать эту энергетически заряженную медитацию. Результаты того стоили. Почти невозможно объяснить тот ценный опыт, который я приобрел тогда! Это было правда интересно! Я поехал туда, чтобы найти яки, а нашел нечто гораздо более глубокое, и сделал это самостоятельно, без их непосредственной поддержки.

Когда человек делает медитационные техники постоянно и уходит в них тотально, всегда открывается что-то новое.

Там, по ночам я на протяжении нескольких дней делал *Динамическую медитацию Ошо*. Как правило, *Динамическая медитация Ошо* проводится в 6: 00 утра – она совпадает с восходом солнца. Однако здесь это было невозможно, потому что к тому времени яки уже вставали и двигались в близлежащую пустыню. Так что *Динамическая медитация Ошо* в пустыне принесла мне совершенно новый, волнующий опыт. Путешествовать и исследовать неизвестное – это всегда бодрило меня и приносило мне много сюрпризов. Некоторые события действительно тронули меня тогда, и я до сих пор помню их. Я видел, чувствовал энергию в том, что делал тогда. Одно время у меня там болела спина, и тогда я останавливал людей на улице и объяснял им, как вправить мне спину. Я говорил: «Можете сделать так?» И люди были очень отзывчивы. Я бегал, чтобы быть в форме и поддерживать свое здоровье.

Однажды я бежал полтора часа в поисках еще одной деревни племени яки, и притормозил у автобусной остановки, чтобы уточнить направление. Автобус остановился буквально на несколько мгновений, но окно было открыто, и я попытался спросить дорогу на своем скудном испанском. Я не знаю, почему это произошло, не знаю, почему люди это сделали, но все посмотрели на меня, открыли остальные окна и начали бросать мне из окон деньги, где-то примерно – по тем временам это была большая сумма – около сорока долларов плюс редкие в то время монеты.

Все улыбались и кидали мне деньги – я этого не хотел, я об этом не просил, я не нуждался – но все включились в происходящее. Они буквально окатили меня душем из монет и банкнот. Хотя я просто остановился, чтобы спросить у кого-нибудь дорогу. Но произошел

этот трогательный случай – весь автобус, все пожилые люди, все начали давать деньги. А я об этом не просил, не хотел этого, не нуждался в этом, но все были так щедры – можно сказать, что у всех мексиканцев в сердце есть такое качество как великодушие. Для меня это просто трогательно – как прекрасны могут быть люди.

И моя жизнь – я очень благодарен ей за многие ситуации, когда происходили такие неожиданно приятные вещи... У людей такие прекрасные сердца. Это меня очень тронуло. Из-за чего вдруг остановился этот автобус, и все в автобусе захотели дать мне денег, протянуть из окна, когда их об этом не просили? Где такое еще бывает? Такое случается не часто. Но это было интересно – когда я был там, далеко, в том месте в Мексике, я позволил своей энергии унести меня. Такая была у меня жизнь: если я хочу что-то увидеть, я еду и смотрю. Я доверяю жизни и иду на риск.

Жизнь на Аляске

В 1980 году я решил поехать на Аляску – я хотел работать там учителем. Единственный способ сделать это – отправиться туда лично. Чтобы переехать на Аляску, нужна была целая куча денег, которой у меня не было, но я доверился себе.

На Аляску меня тянуло. Она была номером один в моем списке дел на ближайшее время, когда я впервые покинул Ошо в Пуне. Я любил девственную природу. Перед тем, как уехать на Адмиралтейский остров преподавать, я отправился в Фэрбенкс, что тоже на Аляске. Он находится намного дальше – нужно двигаться на север от Адмиралтейского острова, удаляясь от теплого океана. Уезжая в Фэрбенкс, я шел на определенный риск. Аляска была холодным и дорогим местом, чтобы там жить. Но в Фэрбенксе находился центр по найму учителей: сюда большинство учителей подавали заявки на преподавательские должности. Это было не простое место, где человек мог взять и остаться жить: нужно было найти какие-то связи или работу, чтобы не протянуть ноги. Я никогда не был на Аляске, так что для меня все было в новинку, и я просто надеялся на удачу.

Вскоре после того, как я закончил свою работу летом в Карлсбадских пещерах (что в Национальном парке в штате Нью-Мексико), я купил билет в Фэрбенкс. Работа в этих пещерах была очень интересной: я преподавал подросткам экологию и такой предмет как забота об окружающей среде. Карлсбад – это знаменитые пещеры, где жили миллионы летучих мышей. Также в этом месте был уникальный климат, климат пустыни. Я спал на улице в том Национальном парке, когда мог. Я не боялся ни гремучих змей, ни пумы, ни сюрпризов пустыни: ведь я был бегуном и мог видеть большие площади в короткий промежуток времени.

Я особенно любил бегать перед заходом солнца, но также совершал многочасовые пробежки ночью, около своего дома. Мой летний коттедж находился в маленьком городке, называемом также Карлсбад. Он находился приблизительно в пятидесяти километрах от парка. Я бежал в течение многих часов подряд под звездами – и так же мог бежать даже жарким днем. Я просто любил ощущение подвижности и мне нравилось быть здоровым. Поэтому та жизнь, которую я вел в Карлсбаде, сильно отличалась от жизни на Аляске. Меня словно окунули в холодную и становящуюся все холоднее Аляску.

Человек, который делает что-то, – это движение энергии. И ему гораздо легче жить, чем тому, кто просто сидит на стуле.

Я рисковал. В то время у меня не было денег. Люди работали в национальных парках больше из любви к своему делу, чем из-за денег. Но у меня было достаточно средств, чтобы купить билет до Аляски. Я вспоминаю Ошо: «Тот человек, который подходит с любовью, всегда найдет работу», – и понимаю, что поиск работы – это вопрос и любви, и страсти, и готовности делать то, что необходимо. Мне повезло: я нашел свою первую работу в течение

нескольких часов, выйдя из самолета. Таков был мой подход: найти что-то, с чего просто можно начать, и уже, отталкиваясь от этого, двигаться вперед. Я знаю многих людей, которые сидят месяцами напролет, ожидая, когда прекрасная работа свалится на них с неба. Я категорически не согласен с этим. Мой подход заключался в том, чтобы просто прыгнуть в жизнь и начать уже хоть с чего-нибудь. Оттуда гораздо легче двигаться к чему-то лучшему.

Такой была моя жизнь. Я приехал к месту, куда всегда стремился в своих детских мечтах, с почти пустыми карманами. Затем через три часа после того, как я сошел с самолета, я уже работал на своей первой работе. В тот же день я нашел и съемное жилье. У очень приятной пары я арендовал квартиру на первом этаже. Мне дали время обустроиться и подготовиться к тому, чтобы найти работу учителем, из-за которой я туда и приехал.

Мне нравилось жить в Фэрбенксе. Фэрбенкс был не велик, и там было много открытого пространства, где я занимался бегом. Это было прекрасное дикое место, красивая природа вокруг. Было действительно здорово оказаться там. Именно в Фэрбенксе люди со всего штата Аляска искали преподавательскую работу.

У меня был выбор между двумя местами работы: одно было, по-моему, в местечке под названием Ситка, а второе – на Адмиралтейском острове. Я выбрал Адмиралтейский остров, потому что администратор в Ситке был очень консервативным человеком, фанатиком действующего тогда президента Америки Рейгана. А экологическая политика Рейгана мне не импонировала. Она не особо соответствовала моим представлениям о том, что хорошо для окружающей среды. Поэтому я не выбрал Ситку. Я не желал, чтобы надо мной стоял такой босс, с которым я находился бы в постоянном конфликте и при котором должен был скрывать свои истинные чувства. Поэтому вместо этого я поехал на Адмиралтейский остров, чтобы работать там с индейцами тлинкет.

Приехав туда, я отправился на поиски съемного дома к местным индейцам, а не туда, где были специальные жилые помещения для преподавателей, – и, как выяснилось, правильно сделал. Мои усилия были в высшей степени вознаграждены. Проблема была только одна – но очень серьезная. Зимой, или просто в холодное время года (а это около шести месяцев в году) было очень холодно. На Аляске в этот период невероятно холодно. Под домом моей соседки разом испортились все водопроводные трубы, потому что вода в трубах замерзла.

Домики на берегу острова – как и тот, в котором жил я, – отличались от остальных. Они были спроектированы таким образом, что во время прилива самое худшее, что могло произойти – вода пройдет под домом, но не разрушит само здание. Вот почему мой дом был построен так, что к нему еще нужно было подняться, чтобы добраться до задней двери. Но зимой в моем доме было так холодно. Отапливать его было очень дорого, поэтому мне пришлось отгородить кухню и ванную комнату от остальной части дома и жить в кухне: стоял такой холод, что невозможно было отопить весь дом целиком. А иногда обогреватель переставал работать, и тогда у меня бывала очень, очень холодная ночь – приходилось идти и заворачиваться во все одеяла, которые там были. Это был специальный обогреватель, и только один-единственный человек на острове мог починить его.

Но я жил в прекрасном месте, где меня окружала чудесная природа. Земля была необработанна, и я находил ее прекрасной. Почти каждый день я делал *Динамическую медитацию Ошо*. И каждый день я бегал по острову от своего дома до высадки на паром, где дорога кончалась: четыре километра туда и обратно, или восемь в целом. На дороге было пусто, если не считать одного дома и одного магазина. А в конце пути была свалка, где обитало множество орлов. Похоже, что только я один пользовался этой дорогой – если не считать тех часов, когда прибывал паром. На снегу виднелись лишь мои следы. Глубина снега часто составляла около метра, так что это была непростая задача – попытаться бежать, попадая

в свои же следы, чтобы сделать бег проще. Там был небольшой родник, из которого я пил ледяную воду. На вкус она была очень хороша, особенно ночью.

Вот таким я был человеком: когда я решал, что хочу что-то делать, я делал это – будь то дождь, или солнце, или снег, или ветер, я это делал. И это давало мне силу. И я этому очень рад. Также по пути я видел очень много орлов – в этом смысле мне действительно повезло в то время. И мне посчастливилось много раз видеть китов из своего окна на кухне. Это было действительно здорово, место было по-настоящему невероятное. В общем, это было прекрасное место, замечательная природа, понимаете...

В школе, где я работал, хотели, чтобы я остался на этой должности. Им нравился я и то, как я отдавался своей работе. Меня привлекала Аляска, но я сказал им: «Нет. Теперь мне пора ехать назад, пора возвращаться к Ошо». Я намеревался закончить все, что было необходимо, чтобы отправиться к Ошо. До этого я провел в Индии рядом с ним три месяца, и, уезжая, я сказал, что вернусь через три года. Я сказал: «Мне нужно три года, чтобы закончить все то, что я хочу в жизни, и потом я вернусь навсегда». Помню, как Ошо улыбнулся тогда. Я был немного глуп, когда принимал это решение. Если бы я был умнее, я бы просто остался там. Я не знал, что жизнь не будет ждать, – но в тот момент я уже окончил университет, и мой разум был переполнен разными вещами.

Вначале я не знал, сколькому я мог научиться, насколько я мог трансформировать себя, находясь рядом с Ошо. Это пришло много позже – через медитативный опыт и обретение нового уровня энергии, когда я начал осознавать силу своего потенциала. Но вначале я был в неведении относительно всего этого. Я думал: «Хорошо, дайте мне поехать и все закончить». Но, знаете, жизнь не такая. Она не ждет, пока мы завершим все свои планы. И все поменялось. Ошо больше не был в Индии – он переехал в новый медитативный кампус, и уже нельзя было физически к нему приблизиться¹, как прежде. Когда я впервые приехал к нему, можно было сидеть рядом с ним, и он давал вам энергию даршан, можно было задавать вопросы и вести личную беседу... Даршан – это (по крайней мере для меня) глубокий медитативный опыт. Но позже все изменилось.

Аляска очень красивая, очень большая, и вокруг меня была дикая природа. По вечерам я делал *Кундалини* – медитацию Ошо – на поле для гольфа. Там было немного диковато, и эта заставляло меня беспокоиться: «А вдруг появится медведь? Или лось? Откуда ждать опасность?» На том поле было очень темно – жутковатое место. Я плавал в реках Аляски, и все происходящее воспринимал как приключение... И я был счастлив жить так, как мне хотелось. Я никогда не винил никого за трудности в жизни. Я полагаю, что все – мой выбор. Если я должен ради чего-то работать, должен что-то делать, я буду это делать. И я думаю, мне в этом отношении повезло, потому что я чувствую: если ты хочешь быть действительно хорошим человеком, медитации Ошо помогут в этом.

Итак, тот год, проведенный на Аляске – это был чудесный год. Я преподавал в школе, был так здоров, получал такое удовольствие от жизни, и ученики любили меня... Они говорили, что школа, в которой я преподавал, была лучшей во всем штате. А директор говорил, что это была образцовая школа во всей Аляске. Они не знали, что именно я делал, но знали, что со мной дети учились быстрее всех и были счастливее всех. А что я делал? Ничего особенного: я просто использовал медитации Ошо для того, чтобы развиваться в качестве учителя. Я знал, что на этом острове родители всех детей выпивали. И чувствовал, что многие дети были обижены, напуганы и им не хватало заботы. Так что я позволял им много двигаться в перерывах между традиционными занятиями и даже во время них. И когда они выглядели напряженными, сонными, были в плохом настроении или лезли в драку, я гово-

¹ Мано имеет в виду то время, когда Ошо был арестован, поскольку на территории Ошо-центра были найдены склады оружия. Ошо не участвовал в преступной деятельности, но его репутации был нанесен значительный урон. – *Примеч. ред.*

рил им отложить учебник и две-три минуты делать определенные упражнения. После этого они выглядели радостными. Еще бы: мы бегали, прыгали вокруг друг друга, смеялись. Они были напряжены, а эти упражнения помогали их эмоциям открыться. После этого они чувствовали себя отдохнувшими. А когда они опять садились за парту, то схватывали информацию гораздо быстрее. Так, я очень подружился с детской энергией. И, подружившись с этой энергией, заботясь о физических потребностях этих детей, – чтобы они достаточно двигались и выражали себя, – мы провели вместе их лучшие годы.

Все были счастливы. Родители были счастливы. Они хотели, чтобы я пробыл на Аляске подольше, но мне хотелось поехать и найти Ошо в том месте – так называемом Поле Будды². Это поле было создано всеми, кто жил рядом с Ошо и делал его медитации.

В тот год (сразу после моего отъезда с Аляски) я был очень глубоко погружен в медитационную работу. И я самостоятельно отправился в медитационный кемп на целый месяц – один в американской пустыне в Аризоне, недалеко от границы с Мексикой. Там находилась большая территория Национального парка дикой природы, который был пуст и безлюден, если не считать кемпинга.

Я медитировал и днем, и ночью, под звездами. Это был по-настоящему прекрасный опыт и одновременно великий вызов: я делал много медитационных техник ежедневно, в этих жестких условиях, под палящим солнцем. Моя энергия становилась все глубже и глубже. С энергией происходило так много всего – были особые моменты... Я делал медитации днем и ночью, пытаюсь открыть внутри себя как можно больше энергии. Мне было дано очень много значительных, более глубоких проблесков существования, и это было очень для меня важно. Для меня выполнение медитаций стало неким вызовом, я подходил к этому как к спортивной тренировке. И медитации многое мне дали. Они наделили меня невероятной силой. Чего в тот момент не хватало – так это того, как научиться взаимодействовать с людьми на более глубоком уровне. Это знание пришло позже, когда я был рядом с Ошо, в Поле Будды, – когда вокруг было столько любви, понимания и столько людей, – а также благодаря участию в терапевтических техниках, когда ты постепенно учишься раскручивать себя изнутри, будто клубок.

Мне повезло в жизни, потому что меня окружала прекрасная природа, и я наслаждался ей. Это настоящий подарок – в этом существовании столько прекрасных камней и растений, пейзажей, звезд... И это именно то, что я всей душой люблю.

США, ранние фото

² Мано называет Поле Будды энергетически заряженную территорию в Пуне, где расположен Международный медитационный курорт Ошо. – *Примеч. ред.*

Глава 4

Родственные узы

Первая трагедия в семье

Когда я учился в университете... В университете мне было немного одиноко. Для меня это были несчастливые времена. Отец совсем недавно повторно женился – и этот брак стал губительным для него... Перед свадьбой он спросил меня: «Это моя девушка, я хочу снова жениться, что ты об этом думаешь?» Я ответил: «Это твоя жизнь, делай, что хочешь». Но эта женщина пагубно повлияла на отца: она была алкоголичкой, и она разрушила все связи между отцом и его детьми. Она отталкивала его от всех... Это было грустно, и не было возможности защититься от нее.

Она была примерно его возраста. Но они оба пили, и она просто сеяла разрушительную энергию вокруг себя. У меня с моими братьями и сестрой началась нелегкая жизнь, но, тем не менее, мы еще теснее стали связаны между собой. Мы также были связаны с отцом, но его жена будто ревновала и всех отталкивала от себя, и ее дети унаследовали эту энергию. И мы просто... как бы... как сказать... Мы потеряли основу нашего дома – нашу связь с отцом. Это были мучительные несчастливые времена. Вместо того чтобы возвращаться из университета и приходить домой, где я мог бы побыть один, мог видаться с братьями, я шел в другую сторону – ведь там были она и ее дети. Энергия была разрушена.

Она была отвратительной женщиной – она кому-то отдала или продала мою собаку, а потом сказала мне, будто собака потерялась. Она солгала мне. Ужасный человек. Ей просто не хотелось заботиться о собаке – просто поэтому она взяла и избавилась от нее. Человек, у которого было хоть немного сочувствия в сердце, хотя бы дал мне шанс найти дом для моей собаки... Один из ее детей рассказал мне про тот случай с собакой. Она же ничего не рассказала мне. Я мог сам забрать собаку с собой в университет, найти там хозяина, который бы заботился о ней... Это была такая отвратительная энергия. Отвратительная, агрессивная энергия, которую жена моего отца распространяла повсюду.

Впоследствии эта женщина разрушила многое в жизни отца. И когда – где-то четыре года спустя – он умер, это было для меня шоком. Еще с самого детства у меня было то, чего я не сделал, не успел сделать до его смерти. И эти эмоции были зажаты внутри меня в течение многих лет. Когда я был моложе, отец мог злиться, мог кричать, он не понимал мою точку зрения – он не понимал таких вещей. И мои братья и сестра злились на него, потому что он не тратил на них столько денег, сколько следовало, и очень жестко подходил к своим обязанностям и ответственности, которую должен нести перед нами. Отец не заботился о нас так, как следовало, и в доме не было женщины, хотя она должна была быть. Он рассказывал мне о своей политической идеологии и был в какой-то степени политическим фанатиком:

экономил на семье и тратил деньги на всякие политические нужды. Поэтому все в какой-то степени на него злились.

Но я был последним ребенком, который с ним жил, и я также мог видеть его внутренний мир – все это время я ни разу с ним не ссорился, потому что внутри я видел в нем... я чувствовал, что в нем была боль... Я думал: «Почему я должен бороться с ним? У него и так хватает проблем в жизни». Мне вспоминаются оба брата, ругавшиеся с ним... Но мы с отцом не ругались. Между ним и моими братьями были какие-то отношения – и, в каком-то смысле, возможно, отношения со мной были лучшими, потому что я был последним ребенком, оставшимся с ним жить.

И всякий раз, когда ему хотелось куда-нибудь поехать, я составлял ему компанию... Может быть, он ехал куда-то, потому что любил смотреть на большие корабли. В тот момент это было его радостью в жизни. Я не знаю, делает ли это кто-то теперь – просто едет смотреть на разные большие лодки, плывущие вниз по реке. Это было его увлечением. И он ехал, может быть, за четыреста километров, чтобы добраться до какой-нибудь большой реки или одного из Великих Озер и увидеть ту единственную лодку... И он спрашивал меня: «Ты хочешь поехать?» И хотя на самом деле я не был уверен, что мне этого хотелось, я всегда говорил: «Да». Я думал: «Это время с отцом – чтобы что-то делать вместе... нужно уделить этому время. Кто знает, какие есть в жизни взаимосвязи и что случится в следующий момент?» Поэтому я отдавал то время отцу: я ездил с ним практически в каждую поездку.

Мой отец был занят, у него было много работы. Он работал в другом городе, и движение там было настолько интенсивным, что он приезжал домой поздно и не мог участвовать в моей жизни. А в старшей школе я был чемпионом по бегу, выигрывал почти все соревнования без исключений – но он, по-моему, пришел посмотреть соревнования лишь один раз примерно за два года, которые я провел в команде. Только во второй свой год я стал одним из лучших бегунов, но, к сожалению, мой отец так ни разу и не пришел ко мне за весь сезон – за исключением забега, который выпал на выходной. Он никогда не расспрашивал меня о спорте. Не то чтобы он не хотел прийти посмотреть, нет. Просто так сложилась его жизнь: ему и так было нелегко работать в другом городе.

Мой отец сделал хороший выбор, увезя нас из Детройта, так как Детройт был сильно перенаселен и загрязнен. И еще там была высокая степень преступности. Просто такая была жизнь – я занимаюсь своими делами, он своими. Отец был занят построением собственной жизни. Но чтобы быть вместе с ним – я всегда ездил. В общем, у меня была с ним связь. И на третьем курсе университета, когда я узнал об Ошо, я стал счастлив... Я уже знал, что в Индии меня ждет много приятных сюрпризов. До этого я не знал ничего об эмоциях, о терапии эмоций, о медитациях Ошо. То, чему меня учили на занятиях психологией, полностью устарело. Я ничего не знал о том, что бывает, если ты зол на отца – а ведь это можно легко вылечить специальными техниками – избавляться от негативных эмоций с помощью крика. Но кто-то сказал: «Давай, бей подушку, выбрасывай с криком все глубокие эмоции, которые прячутся внутри тебя», – и я спросил: «Что прячется?» Они ответили: «Ты зол, ты закрыт, ты зол». Я сказал: «Да, это правда». Потому что я все держал внутри, из-за братьев и сестры.

Итак, я начал освобождать все эти эмоции. И когда я высвободил эмоцию, мне открылся более глубокий слой моей души. После того, как я выпустил множество негативных эмоций, одну за другой, я стал видеть истинную суть вещей. За этими эмоциями было видение, как сон – «Делай с отцом то и то. Возьми его на кемпинг и в путешествие на каноэ». Понимаете, все эти вещи, которые открывают в нас любовь, очень важны. Все это – «Мы можем делать это», «Мы можем делать то», «Мы способны на это», «Нам по силам это» – все это открывает новое видение и новое понимание эмоций.

И в то же самое время я не знал о самом важном, потому что тогда был в Индии – не знал, что у отца начал развиваться рак. Он курил, пил, и у него было очень мало шансов,

чтобы выжить... Никто ему не говорил ничего о правильном питании – понимаете, ничего. Он ел мясо, жареную пищу и литрами поглощал кофе. У него очень быстро прогрессировал рак легких. Он испытывал ужасную боль. То время было началом новых лекарств и нового лечения заболеваний раком – это были 1980-е. Тогда знали не так много о лечении рака, поэтому применяли все альтернативные методы наряду с обычным лечением. Лекарства были улучшенные, но моему отцу они все равно помочь не могли. Сейчас есть более эффективные методы лечения, но в то время... Так что он терпел боль, понимаете, – эта опухоль, растущая в теле, когда человек фактически беспомощен... Вы можете только наблюдать, как болезнь медленно забирает вас...

То, что тогда случилось, было интересно. До того, как я ездил навещать отца, я делал *Динамическую медитацию Ошо* и практиковал техники эмоционального очищения, так что все мои агрессивные чувства прошли. По крайней мере, значительная их часть. И когда я видел отца, я был просто как чистая любовь. Я мог давать ему энергию, я мог держать его за руку, и тогда он переставал чувствовать боль, потому что моя энергия была сильнее, чем его боль. Он чувствовал себя сильнее, спокойнее и расслабленнее.

Человек, который погружен в медитацию, который занимался бегом и делал разные другие техники, получает очень сильную энергию – которую можно использовать для создания своего собственного оазиса любви.

Но все остальные мои родственники – не чувствовали ничего подобного, и это было очень грустно, потому что они не знали, что делать. Никто не говорил им об их эмоциях, никто не рассказывал им про сдерживаемый гнев, никто не учил их специальным техникам. Они любили отца, но продолжали злиться внутри. Это так же, как когда вы видите пары – которые прожили вместе двадцать-тридцать лет и любят друг друга, но не общаются между собой. Они любят и одновременно злятся друг на друга – и это такая смесь, такой эмоциональный суп. Я наблюдаю за этим, и в такие моменты мне становится ясно, что мне очень повезло, потому что я пробовал медитации Ошо и разные техники... Подумайте, как чувствует себя человек, когда его отец умирает, а его сердце не открыто на сто процентов? В нем все еще сидят бесы. Но мне повезло, потому что целых три месяца я проходил в Индии эмоциональную очистку, снимал с себя подавляемый гнев слой за слоем, как отмершую кожу.

Мне повезло, что у меня было то время завершения отношений с моим отцом, время воссоединения. Я смог таким образом установить с ним связь. И я сказал ему, я сказал: «Выбирайся из этой больницы и живи». А он не послушал, он слушал в основном только свою жену. Я говорил: «Выбирайся отсюда! Выходи на улицу, прогуляйся! Сделай что-то другое для разнообразия». И я был, на самом деле, прав. Потому что эти методы лечения... в то время они не работали. Да, они делают что-то, но в действительности не могут вылечить, потому что тело становится таким слабым, и человек просто устает. Так, к несчастью, в то время, вместо того чтобы проводить больше времени вместе с отцом, у нас с ним просто была такая глубокая энергетическая связь. Но это было настоящим подарком, что я оказался рядом с Ошо. Я научился у него любить на совершенно новом уровне и еще разным другим вещам.

Смерть сестры

Так вот... Время прощания с отцом – это было, конечно, очень грустно для меня. Понимаете, грустное, грустное время. И в то время мне было где-то двадцать два или двадцать три – жизнь только начиналась. Вы можете понять меня: все эти эмоции и беспокойство из-за того, что наша семья разрушилась и мой отец умирает. В то же самое время я чувствовал в себе внутреннюю склонность делать что-то хорошее, создавать, творить и найти глубокий смысл в жизни! Я хотел узнать больше о том, что делать и как открыть глубокую космиче-

скую энергию. Я искал новую связь с собственной жизнью. Когда я вернулся в Америку, никто не понял меня, кроме моей сестры. Моя сестра любила Ошо и тоже захотела поехать в Индию. Тогда, позже, она была очень добра ко мне. И братья становились мягче. Наше детство было полно злобы, насилия и боли. В нашем случае это было просто фазой, которую мы должны были пройти. Позже, в чуть более старшем возрасте, эти темные тучи рассеялись.

Моя сестра была так добра в мой день рождения, что приехала и покрасила для меня мою комнату. Сказала: «Это тебе подарок». И когда я вернулся из Индии, она впервые сказала: «А вот моя старая машина – это подарок тебе». Это были хорошие отношения. Мы укрепляли нашу связь.

К сожалению, моя сестра погибла в автокатастрофе: нетрезвый водитель выехал на встречную полосу шоссе на дороге... В Америке многие люди водят машину в нетрезвом состоянии... В общем, этот человек ехал по встречной полосе ночью. В итоге, где-то с интервалом в один-два месяца умерли сначала отец, а потом сестра. На самом деле сестра умерла в мой день рождения, что было еще хуже. Она и я – мы были в тот день в разных городах, и оба должны были встретиться у бабушки. Я должен был приехать первым, но возникли проблемы с машиной, поэтому я прибыл гораздо позже, чем предполагал. Когда я добрался до моей бабушки, все были в шоке. Кто-то был просто в ступоре от случившегося, а другие плакали и кричали. Я тоже был ошеломлен, потому что ожидал поздравлений.

Так, за очень-очень короткое время случились две трагедии, и я был сильно потрясен. Но пробуждение энергии, погружение в бурлящую жизнь – я тогда практиковал все это. Я старался использовать ситуацию в как можно лучшем для себя свете. Я сказал себе: «Хорошо, теперь живи, действуй, вместо того чтобы находиться в оцепенении».

Это как цветы – глядя на них, ты видишь, что перед тобой есть смерть
и перед тобой есть жизнь. Не тебе выбирать.

Я тогда стремился идти вперед, что бы ни случилось. Но нужно было быть очень сильным, чтобы пережить эти два потрясения, произошедших одновременно, два очень больших потрясения. Это было тяжелое страшное для меня время. Моя сестра была приверженцем восточного мировоззрения... Она была буддисткой, и ее не похоронили. Ее тело кремировали. Мой старший брат Брюс положил прах Энн у основания сосны у себя на ферме (у него была ферма, где росло много мандариновых и других деревьев). Мы нашли хороший способ оставить Энн с нами! Кстати, жена отца тоже кремировала его тело, а позже развеяла его прах на Аляске, в прекрасном месте. И это здорово!

Отношения с братьями

Итак, с родственниками у меня тогда были очень теплые отношения. Но с подросткового возраста я по большей части был один – я имею в виду физически, потому что я постоянно находился в разных уголках мира. И, конечно, я знал по-настоящему хорошую жизнь рядом с Ошо и медитациями. Я знал, что этот стиль жизни может принести множество позитивных изменений.

Поэтому, конечно, я также хотел помочь своим родственникам и всем, кого встречал, обрести эту небывалую силу и счастье, которые дает этот новый стиль жизни. И вот ты ищешь, как им помочь, когда помочь, что ты можешь сделать, чтобы им помочь. И в тот момент я начал с чистого листа: сестры не стало, отца не стало.

Мои братья находились в разных ситуациях: У Брюса была своя семья, а Аллен жил то здесь, то там. Но Аллен и я... У нас с ним была глубокая связь, потому что мы всегда вместе ездили на рыбалку с отцом, когда были помладше. Но Аллен также мучил меня, критиковал – вот что он делал. Но позже он изменился. Он стал хорошим. Он работал, занимался разными

делами, и я помогал ему, когда он захотел построить дом в северной части Мичигана – рядом с тем местом, где прежде находились дома бабушки и дедушки.

Я помню, как сказал ему: «Я помогу» в ответ на его просьбу. До этого я не так много сидел за рулем, но чтобы помочь брату, мне пришлось вместе с ним сидеть за рулем огромного грузовика – мы ездили в город, где он мог купить все, что ему было нужно для его дома и строительства. Мы должны были сделать все правильно с первого раза – пути назад в нашем случае не было. Склад находился в двухстах милях от места, где Аллен решил строить дом. Грузовик нужно было вернуть в определенное время – а у нас было в нем очень много древесины, и мы ехали посреди ночи, не спали вообще, чтобы успеть вернуть грузовик без задержки. И, по-моему, я разгружал этот грузовик примерно двадцать-двадцать четыре часа, без сна, – и разгрузил его весь. Брату был нужен сон, он был уставшим. Но я был как пожарная машина – все перетаскивал без остановки. Всю ночь я твердил себе: «Не останавливайся! Аллену нужна твоя помощь». В общем, с моими братьями у меня глубокая связь. И мне кажется, иметь такую связь очень важно.

Бабушка с этой стороны – со стороны отца – была (как и все ее родственники) очень религиозна. Она была очень предана своим убеждениям: «Вот Иисус, и в нем вся суть». А бабушка со стороны матери была социальным работником. Отец матери умер молодым.

Мама была очень мягкой, она обладала очень хорошими качествами. Она очень вдохновляла, пыталась увеличить нашу энергию. Всегда, когда приезжала эта бабушка, она заставляла отца что-то делать, доделывать дом – она была очень хорошей в этом отношении. А дети маминой сестры снимались в фильмах – вы могли их видеть в диснеевском фильме «Мартышки, убирайтесь вон». Это была красочная сторона нашей семьи. Мои кузины были очень хорошенькими, любили танцевать. Этакie девушки из Калифорнии. Так что родственники со стороны матери были очень креативными. В то время как родственники со стороны отца отличались своей религиозностью – они несли миру любовь, но в несколько ином ключе. Имея большое любящее сердце, они направили свои чувства на собственную интерпретацию традиционного христианства.

Когда умерла моя бабушка, сложилась одна очень интересная ситуация. Все знали, что в то время я был с Ошо. Поэтому, когда делили наследство, меня не включили в завещание. Для меня это не имело значения. В Америке, когда люди умирают, их имущество, как правило, переходит к родственникам или близким людям. Эта часть идет сюда, эта идет туда – каждый получает столько, сколько умерший хотел ему оставить. Но я не придерживался традиционной американской религии, и когда все мои родственники получили наследство, я получил ноль. Но для меня это было хорошо... Я очень этому рад, я не против, потому что моя жизнь говорит: «Я жив, и больше мне ничего не нужно. Я могу создавать свою жизнь сам и быть счастливым». А мои братья очень расстраивались, они говорили: «Мы получили наследство, а вдобавок к нему указание: не давать Мано ничего, потому что он не придерживается традиционной религии». Они были очень печальны, когда говорили мне это. Желание бабушки очень ранило их. Они выглядели совсем не радостно. Потому что представьте: ты любишь кого-то, и вот он не получает подарка, а ты получаешь. Конечно, ты опечален... Я сказал: «Не переживайте из-за этого. Даже не думайте об этом ни минуты. Потому что это не мой жизненный путь – заикливаться на таких вещах. Передо мной вся моя жизнь. Я здоров. Что я буду со всем этим делать?» Не было зависти, недовольства или жалоб, ничего такого – если бы мне была нужна помощь, можно было попросить брата сделать что-то для меня. Он делал. И я помогал ему, если требовалась помощь. Так, из всех тех бурных детских отношений начала возникать глубокая любовь, крепчайшая дружба. Мы заботились и уважали друг друга.

Я очень рад этому. Когда я начал медитировать, я решил, что хочу сделать все возможное, чтобы поддерживать добрые отношения с братьями. В то же время я был вынужден

сохранять баланс в отношениях со своим старшим братом. Раньше он проявлял агрессию. И мне приходилось бороться за свое место в жизни и лелеять его, потому что брат все время отталкивал меня в противоположную сторону. И когда я был с Ошо, я понял кое-что важное: никогда не позволяй никому толкать тебя вниз, и также не толкай вниз других людей. Не играй в эту игру.

Брюс, мой старший брат – он был агрессивным, и мне пришлось учиться давать ему отпор. Это произошло в очень интересной ситуации. Когда я был моложе, он забивал меня, подавлял. И как-то раз, когда я вернулся из Индии, нам пришлось ехать в другой город, на какую-то встречу. Брюс был очень нервным, бесился, сигналил, кричал на людей. Я сказал: «Не делай этого». Он сказал: «Я делаю то, что хочу!» Затем он остановился перед светофором – представляете! – до города было еще километров тридцать-сорок, он остановился на красном сигнале светофора, и я открыл дверцу машины и сказал: «Пока». Он был в таком шоке. Я просто вылез из машины и ушел. Я добрался до нужного места позже, автостопом. Брат понял: не стоит валять дурака со мной. Не валяй дурака. И с того момента он больше никогда не пытался меня подавлять. Он до сих пор может подавлять второго брата, Аллена, но никто не подавляет меня, и я никого не подавляю. Потому что я решил довериться тому, что понял благодаря Ошо. И я не позволю этому случиться. Я просто так решил: не позволяй никому подавлять тебя и сам никого не подавляй. Я нашел свой путь: не важно, что я должен сделать, но я это сделаю.

Брюс был интересным человеком. Он сказал: «О, Мано, ты только что вернулся из Индии, теперь ты сильный человек, ты обучился медитации – давай, садись на мою лошадь без седла и езжай». Я ответил: «Хорошо». Это был вызов – ехать на лошади посреди зимы, по глубокому снегу, а скакала она очень быстро. Без седла – я просто схватил лошадь за гриву. Брюс хлопнул лошадь, и лошадь понеслась. Брюс засмеялся и закричал: «Наслаждайся этим испытанием!» Мне понравилось ощущение движущейся лошади. Мне понравилось, что я могу держаться за ее гриву. И мне нравилось находить способ, чтобы ловко упасть, когда лошадь шла быстрее или делала резкий разворот...

Брюс был сильный, прямолинейный и с открытым сердцем. Он сказал: «Я не буду называть тебя твоим новым медитативным именем, пока оно не будет написано в твоём паспорте». Тогда никто не хотел называть меня моим новым именем, данным мне Ошо, но Брюс мыслил иначе. Он сказал: «Если твое имя будет официальным, появится в паспорте, я буду звать тебя им». А для меня единственным вопросом было найти подходящее место, потому что в то время я жил и работал во многих местах. Наконец после переезда на Аляску, где я жил дольше, чем в любом другом месте, я смог официально изменить имя. В Америке можно изменить имя. Ты можешь сказать: «Я хочу новое имя, потому что оно для меня – как духовное имя». Но для этого нужно от шести месяцев до года жить в одном месте. Когда я преподавал в школе в том году на Аляске, я сказал: «Ну все, теперь-то я изменю свое имя». И Брюс начал называть меня новым именем – Мано. А в прошлом году он сам впервые поехал в Международный медитационный курорт Ошо в Пуну, в Индию, и тоже захотел получить духовное имя. В общем, это очень интересно, как энергии между братьями поддерживают дружбу.

Глава 5

Ошо

Знакомство с Ошо

Почему я решил поехать в Пуну? Главной причиной стало то, что у меня был очень близкий друг, который бывал в Пуне и уже встречался с Ошо ранее, в середине семидесятых. И этот друг дал мне почитать книги Ошо – которые я, на самом деле, вначале не понял, но мой друг был по-настоящему полон доверия к Ошо. И эта вера дала мне толчок к пониманию невероятно важного нового направления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.